

A man with short, styled hair and a light beard is wearing a white, long-sleeved button-down shirt that is unbuttoned at the top. He is wearing a necklace with two dog tags. He is leaning against a dark, textured vertical surface with his right arm raised and hand resting on it. The background is dark and textured, with a white, torn-paper-like edge at the top left.

АННА
БИГСИ

ЛИЧНАЯ ВОЙНА
ОФИЦЕРА
СУРОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Бигси

Личная война офицера Сурова

«Автор»

2026

Бигси А.

Личная война офицера Сурова / А. Бигси — «Автор», 2026

Я вернулся в родной город, чтобы начать мирную жизнь без устава и погон. Все шло по плану, пока я не встретил ее. Самую запретную и недостижимую из всех возможных женщин. Она уложила меня на обе лопатки быстрее, чем любой противник. И так же стремительно исчезла, оставив после себя болезненный шлейф потери. Но я не привык отступать и найду беглянку во что бы то ни стало. За женщину, которую уже присвоил, пойду до конца. Даже если придется начать новую войну. Личную войну Глеба Сурова.

© Бигси А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Глеб	5
Глава 2. Глеб	7
Глава 3. Глеб	9
Глава 4. Глеб	11
Глава 5. Глеб	13
Глава 5. Глеб	15
Глава 6. Глеб	17
Глава 7. Глеб	19
Глава 8. Глеб	23
Глава 9. Глеб	26
Глава 10. Глеб	29
Глава 11. Глеб	32
Глава 12. Глеб	35
Глава 13. Глеб	39
Глава 14. Глеб	42
Глава 15. Глеб	47
Глава 16. Глеб	49
Глава 17. Глеб	53
Глава 18. Глеб	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Анна Бигси

Личная война офицера Сурова

Глава 1. Глеб

Стоянка в Москве. Сорок минут вынужденного безделья. Выскакиваю на перрон размять ногу и хоть немного сбить это гнетущее чувство, когда едешь в никуда. Формально на гражданку. По факту в родной город, тихую заводь после пятнадцати лет гонок на выживание.

Достаю сигарету, прикуриваю, наблюдая за суетой. Холодно. Нога ноет, сволочь беспощадная. Свежий рубец еще не привык к нагрузке, мышцы сводит, когда стою больше пяти минут. Месяц назад осколок вошел в бедро. За полгода можно восстановится и вернуться в строй.

А я не захотел.

Родной город, утром я буду там. Странно, даже не представляю, как это просто идти по улице, где нет блокпостов.

— Угостишь? — сосед по плацкарту, останавливается рядом.

Протягиваю пачку. Прикуривает.

— Пятнадцать минут, — кивает на часы. — Куда едешь, парень? Не торопись. Впереди паровоза не убежишь.

— Можно подумать, сзади него бежать веселее, — усмехаюсь я.

Мужик одобрительно хмыкает.

— Из командировки?

— Из долгой, — отвечаю уклончиво. — Возвращаюсь домой.

— Это хорошо. Главное, чтобы было куда.

Задумываюсь. А есть куда? В городе я давно чужой, все знакомые или разъехались, или уже не помнят меня. В квартире родителей живет сестра, которую я видел три раза за всю службу. Потому что сначала училище, потом "горячие точки", потом спецподразделение и командировки, одна за одной.

Ладно, разберемся.

Глубоко затягиваюсь и взгляд неожиданно цепляется за девушку в короткой шубке. Она торопливо идет по перрону, каблучки отбивают четкий, уверенный ритм, будто по моим ребрам. Машинально изучаю ее с ног до головы, отмечая детали. Стройная, статная, изящная, как фарфоровая статуэтка. Красивая и какая-то недостижимая что ли.

Внутри что-то щелкает. Не сердце даже, скорее предохранитель слетает. Инстинкты, которые я привык глушить работой и усталостью, просыпаются и потягиваются, как старые псы, почуявшие дичь.

Девушка мажет по мне небрежным, равнодушным взглядом, как по предмету интерьера, и проходит мимо. А во мне вспыхивает идиотское желание догнать, схватить за руку, заставить посмотреть на меня. Почувствовать, что я существую. Завоевать. В хорошем смысле. Или не очень. Какая разница, если внутри уже включился этот дурацкий режим, который я считал давно атрофированным?

«Стоп, Суров. Не твоя история».

В моем багаже куча навыков, которые в штатской жизни бесполезны: умение делать наркоз под обстрелом, спать три часа в сутки. А вот времени и ресурса на «холить и лелеять» ноль. Таких девочек либо трахают, либо боготворят. Я же слишком циничен. Да и разучился за пятнадцать лет в погонах.

— Хороша... — мечтательно тянет сосед, когда девушка скрывается в вагоне. — В люксе, небось.

— Повезло люксу, — бросаю я, затапывая окурок.

Сосед косится с недоумением, а я просто констатирую факт: слишком много видел красивых женщин, точнее штопал. Под наркозом они все одинаковые — синие, холодные, с пустыми глазами.

Мысль циничная? Возможно. Но за пятнадцать лет насмотрелся на то, как хрупко все это мясо, которое называется красотой.

Мы возвращаемся в вагон. Мое место внизу, сосед забирается наверх. Я достаю ноутбук, открываю рабочие файлы, просматриваю информацию о госпитале, где предстоит работать. Формально — гражданка, по сути — та же система, только без строя и караулов. Хочется покоя и стабильности.

Поезд трогается с места, а мысли невольно утекают совсем в другую сторону. К той девушке на перроне. Интересно, какого цвета ее глаза? Мне бы хотелось, чтобы были зеленые, такие колдовские...

Стоп! Отвешиваю себе мысленный подзатыльник и возвращаюсь к делу. Нужно приехать подготовленным, чтобы не возникло неприятных сюрпризов, а не вот это вот все.

Женщина с тележкой идет по вагону, громко предлагая мороженое, напитки, сканворды и цветы.

Цветы... Почему я не могу сделать приятное понравившейся девушке?

Я почти встаю, но все же осаживаю себя.

Цветы — это уже диалог. А я не собирался начинать разговор. Но девушка из головы не выходит, хоть тресни. Зацепила чем-то. Может найти ее и... что?

Да ничего! Отворачиваюсь от экрана, упираюсь лбом в холодное стекло. Нога ноет монотонно и назойливо, как забытая мелодия. А ехать еще всю ночь. Стискиваю зубы и прикрываю глаза. Через час остановка и можно будет пройтись, надо дотерпеть. Это я умею филигранно.

Поезд тормозит у полупустого перрона. Сосед храпит, как медведь в берлоге. Я выхожу размять ногу. Холодный, влажный воздух обжигает легкие и пахнет специфично. Отхожу под козырек, закуриваю.

Боль притупляется, но не уходит. Можно наглотаться таблеток, но я терплю. Привык, что организм должен знать, кто тут главный. Задираю голову к небу, оно черное, низкое, без единой звезды. Хорошо здесь. Тихо. Только поезд пыхтит, как раненый зверь.

Думаю о том, как буду жить дальше. Пятнадцать лет войны.

И ни одной причины возвращаться.

Делаю шаг, переношу вес на больную ногу и не сдерживаю гримасы. Хватаюсь пальцами чуть выше рубца, массирую, пытаюсь разогнать кровь. Выгляжу, наверное, как инвалид на пенсии, сотни спасенных жизней, а стою здесь, как пес хромым, и курю в темноту. Ирония.

— Извините, — женский голос появляется внезапно и на секунду выбивает из ритма. Бархатистый, с легкой, почти незаметной хрипотцой, от которой внутри что-то сдвигается.

Я медленно опускаю подбородок и поворачиваю голову. Сначала вижу лишь темный силуэт в рассеянном свете фонаря, а потом проступают черты — неровный свет ложится на лицо, подчеркивая скулы и глубокие тени, а глаза... глаза поглощают свет, кажутся бездонными в этом полумраке. Темные. Почти черные. Как ночное небо, в которое я только что смотрел.

Она... черт возьми... И мирная жизнь закончилась, не начавшись.

Глава 2. Глеб

— У вас все в порядке? — спрашивает девушка, я вижу, как двигаются ее губы, но не слышу ни слова.

— Что, простите? — горький привкус никотина заполняет рот, дым застревает в горле, превращаясь в едкий ком. Я с трудом его проглатываю и едва не закашливаюсь. Черт...

Девушка смотрит на меня изучающе, со смесью превосходства и снисхождения. В уголках ее губ играет легкая, почти невесомая усмешка, которая невольно цепляет.

— Вам больно, — тихо констатирует она и кивает на мою руку, все еще сжимающую бедро. Голос глубокий, бархатный, пробирает до нутра.

— Ерунда, — одергиваю себя и ладонь, сжимаю ее в кулак. Еще не хватало, чтобы меня жалели.

Она не настаивает, равнодушно пожимает плечами и отходит на безопасное расстояние. Поворачивается ко мне спиной и щелкает зажигалкой, прикуривая сигарету.

«Зачем ты травмишься, девочка...» — мелькает в голове, но я тут же отсекаюсь. Не мое дело. Но взгляд все равно не отлипает от ее хрупкой фигуры.

Тонкая темно-серая водолазка мягко очерчивает линии тела. Длинная изящная шея подчеркнута высоким воротником. Спина правильная, ровная, лопатки проступают при движении. Талия тонкая, почти нереальная. Узкие черные брюки подчеркивают упругие бедра и длинные ноги на высоких шпильках. Тело реагирует раньше мысли, короткой, приятной дрожью.

Есть же женщины, от которых мужчины мгновенно теряют голову. Эта одна из них. Залипаю настолько, что забываю обо всем и внимательно слежу за каждым движением.

Она подносит сигарету к губам, которые мягко обхватывают белый тонкий фильтр. Слегка приоткрываются, вбирая дым, затем он сизой струей вырывается из ее рта, на мгновение зависает и растворяется в воздухе.

Не люблю курящих женщин и запах табачного дыма, исходящий от них. Он кажется мне грубым, ломающим что-то хрупкое в женской природе, заземляющим, приравнивающим к мужчинам. Но эта... Эта нравится вопреки всем моим правилам и принципам.

До мурашек. До глухого напряжения где-то глубоко внутри. Химия — тупая, примитивная, против которой бесполезны аргументы разума. «Только этого еще не хватало», — думаю я, но взгляд не отвожу.

Порыв ледяного ветра пронизывает до костей. Я веду плечами. Девушка мелко дрожит от холода, обхватывает себя руками. Замерзла... Почему без шубы-то вышла?

Инстинкт срывает мысли. Я делаю шаг вперед, стаскиваю куртку и накидываю ей на плечи. Без подтекста, просто рефлекс.

Она вздрагивает, хмурится и поднимает на меня глаза. В них считывается колючий холод.

— Не стоит... — строго, но без уверенности.

— Все нормально, — останавливаю ее жестом и тут же возвращаю дистанцию.

Докуриваем молча.

— Возвращайтесь в вагон, пора отправляться! — голос проводницы безжалостно режет тишину.

Девушка отбрасывает окурки и, не оглядываясь, поднимается по ступенькам в вагон. Ее движения точные, быстрые несмотря на каблуки. Я иду следом, отставая на пару шагов. В узком, качающемся тамбуре мы оказываемся слишком близко. Поезд дергается, вагон наклоняется, и она, ища опору, делает шаг назад.

Я инстинктивно выставляю руку, чтобы удержать от падения.

Наши тела сталкиваются на мгновение. Точнее — ее тело вминается в мое, ошпаривая по всей линии соприкосновения. Девушка отскакивает, как от удара током, в ее глазах вспыхивает дикая неловкость.

— Простите, — вырывается у меня.

— Спасибо, — отвечает она и возвращает куртку.

Мы расходимся.

Дверь вагона захлопывается за мной, но в тамбуре будто остается что-то недосказанное. Боль в ноге смешивается с другим напряжением, более острым, тревожным. Я смотрю на ладонь, которая секунду назад касалась ее спины и медленно сжимаю пальцы в кулак.

Возвращаюсь на место. Тело тяжелое, как после марш-броска. В голове неприятный гул. Сосед сверху свешивает голову, его круглое лицо в полумраке похоже на луну.

— Остановка была? — хрипит он.

— Угу.

— Чего не разбудил? Покурить бы...

— Курить вредно, — хмыкаю я, вешая куртку на крючок.

Ложусь на нижнюю полку и смотрю в потолок. Рифленный пластик, следы от чемоданов, другие неровности, но вижу я только ее лицо.

Закрываю глаза и снова переживаю тот короткий момент, когда она оказалась в моих руках. Тело откликнулось мгновенно, с точностью и простотой автомата Калашникова.

Сосед наверху ворочается, полка жалобно скрипит. Где-то за стеной слышен смех, поезд живет своей жизнью, дорога идет своим чередом. А я лежу и понимаю одну простую вещь: как бы я ни старался, уснуть уже не получится.

Глава 3. Глеб

Сон не идет. Он стучится в виски тупой пульсацией и отскакивает, как мячик от бетонной стены. Внутри все натянуто струной, от щиколотки до затылка. Боль в ноге теперь кажется фоном чего-то другого, нового, горячего и неудобного, что засело где-то под грудной клеткой.

Надо переключиться. С раздражением выдергиваю из-под подушки телефон. Слепящий свет экрана в полутьме плацкарта режет глаза. Я щурюсь, привыкая, автоматически смахиваю уведомления, открываю мессенджер и вхожу в диалог с Рамазаном Хакимовым.

Статус: «был(а) в сети 5 часов назад». Но мое сообщение до сих пор висит непрочитанным, хотя отправил его два дня назад.

«Здравствуй, Рамазан. Возвращаюсь в город. Встретимся?»

Ответа нет, сообщение висит в пустоте, как одинокий дозорный на вышке. Смотрю на эти цифры: «5 часов назад». Значит, Рама был в сети. Не видел уведомление? Проигнорировал? Или просто не хочет отвечать?

От этой мысли становится неприятно и кисло, как от подгоревшего кофе. Рамазан. Рама. Брат по оружию, по грязи, по страху и по тем пацанам, которыми мы были в молодости. Не виделись пятнадцать лет. Это срок. Но в голове всегда жила уверенность, что дружба не имеет срока давности. Как шрам. Он есть, часть тебя, даже если не болит. А теперь вот эта тишина и пустота в ответ.

Может, пропустил уведомление? Сменил номер? Но в сети-то был.

Пальцы сами тянутся набрать новое сообщение и прояснить ситуацию: «Алло, земля вызывает...» Стираю. Звучит как жалость. В конце концов ничего не пишу. Смотрю на аватарку и вспоминаю совместную фотографию. Мы на ней молодые, стриженные под ноль, в камуфляже, стоим плечом к плечу где-то в горах, за спиной — БТР. Улыбаемся во все тридцать два. Рама тогда мне жизнь спас, вытащил с растяжки. А я ему потом, когда после контузии. Долги были другими и не денежными, их просто так не списать.

Сжимаю телефон в ладони и резко сажусь. Хватит, все равно не усну. Закидываю в рот таблетку обезбола, запиваю водой и иду на поски вагона-ресторана.

Иду по узкому коридору вагона-ресторана, цепляясь взглядом за мутные отражения в стеклах. Запах кофе, алкоголя и чужого веселья смешивается в тяжелый, вязкий воздух.

— До закрытия сорок минут, — без интереса сообщает официантка, даже не глядя на меня.

— Мне хватит, — отвечаю сразу. — Кофе сделай. Максимально крепкий.

Она кивает, пролистывает что-то в планшете и только потом поднимает глаза.

— Свободных столиков нет.

— Я вижу, — бросаю я и разворачиваюсь, а взгляд сам находит ее. Ту самую...

Она сидит за столиком у окна. Спина прямая, плечи напряжены, будто держат на себе весь этот вагон. Перед ней бокал коньяка, судя по всему, не первый. Напротив нее сидит парень. Молодой, наглый, разгоряченный, слишком близко наклонившийся через стол. Из тех, кто считает, что ночь и алкоголь автоматически дают право на все.

Он что-то говорит, наклоняясь все ниже. Она отвечает коротко, не глядя на него, и делает глоток, явно не для удовольствия.

Сканирую ситуацию всего секунду. Этого достаточно, чтобы внутри неприятно сжалось. Девушка не флиртует, не улыбается, не играет. Она отбивается от назойливого ухажера.

Парень смеется слишком громко, тянется ближе, кладет ладонь на край стола, почти рядом с ее рукой. Слишком близко. Мгновение — и решение принято.

— Я буду за тем столиком, — говорю официантке, не оборачиваясь.

— Там занято...

— Уже нет.

Официантка смотрит на меня с сомнением, но я не жду ответа. Такие вещи не обсуждают.

Подхожу к столу сбоку, со стороны парня. Становлюсь так, чтобы он первым увидел меня, а не она. Кладу ладонь на спинку сидения, чуть наклоняюсь.

— Ты мешаешь, — говорю спокойно, без нажима.

Парень моргает, не сразу понимая, к кому обращаются. Потом переводит взгляд на меня, оценивает быстро, поверхностно. Алкоголь делает его смелым и глупым.

— А ты кто такой? — ухмыляется дерзко. — Мы разговариваем.

Я не смотрю на нее. Это важно. Я вообще на нее не смотрю.

— Уже нет, — повторяю. — Встань.

В вагоне шумно, кто-то смеется, звенит посуда. Наш разговор тонет в общем гуле, но парень почему-то слышит каждое слово. Может, дело в интонации. Может, в том, что я не прошу.

— Слышь, ты чего...

— Встал, — обрываю его. Тихо. Ровно.

Он еще секунду сидит, будто решает, стоит ли продолжать. Потом фыркает и поднимается, бросив на нее недовольный, липкий взгляд. Мне хочется врезать ему, но я просто чуть смещаюсь, перекрывая обзор.

Парень уходит, бормоча что-то себе под нос.

И только теперь я позволяю себе посмотреть на нее. В ее холодные, настороженные глаза. В которых нет ни тени благодарности или облегчения, лишь надменная оценка. Как будто я еще одна угроза, просто другого типа. Неприятно.

— Я вас не просила, — говорит она. — Зачем?

Небрежно пожимаю плечами, чтобы скрыть раздражение.

— Кофе выпить негде, — опускаюсь на сидение напротив, не спрашивая разрешения. Между нами остается стол, как тонкая граница, соединяющая разные миры.

Официантка ставит передо мной чашку с кофе. Черный, густой, крепкий. Я делаю глоток, не отрывая взгляда от девушки напротив.

Она снова берет бокал. Коньяк блестит в свете ламп. Пьет и смотрит не на меня, а куда-то сквозь стекло, в ночь. Поезд качает, шум вокруг сливается в один сплошной гул и только колеса отстукивают секунды. Сорок минут — это много. И ничтожно мало.

Я знаю одно — уйти сейчас правильнее всего. Но я остаюсь.

Глава 4. Глеб

Я пью горячий, почти обжигающий кофе и изучаю понравившуюся женщину прямо, без напускного смущения.

Молчание между нами давит.

Девушка медленно пьет свой коньяк и смотрит в окно. Ее напряжение ощущается даже на расстоянии, но она умело прячет его за внешней невозмутимостью.

Я почти физически ощущаю ту броню, которую она на себя надела. Сам живу так, только у меня форма и устав, а у нее холодный взгляд и неприступность.

— Вы всех так откровенно рассматриваете? — спрашивает девушка, наконец достаивая меня взглядом.

Глаза большие, чуть раскосые, красиво очерченные темными, пушистыми ресницами. А еще пронзительно зеленые... Черт, удар ниже пояса. Прямо по заказу.

— Нет, — отвечаю спокойно. — Только тех, на кого приятно смотреть.

И это правда. Обычно мне действительно не до того, а сейчас залип. И это злит.

— Чем обязана такой чести?

— Вы красивая, — констатирую очевидное. Просто факт, как цвет неба или температура за окном. Никакого подтекста. Хотя, подтекст, конечно, есть.

Она недовольно закатывает глаза.

— Пооригинальнее ничего не придумалось? — чувственные губы дергаются в усмешке. — Ваш предшественник был изобретательнее.

— Мне это ни к чему, — скупно улыбаюсь в ответ. — Я не ищу развлечений.

И это тоже чистая правда. Развлечения — для тех, у кого есть лишние силы. У меня их нет.

— Вот как, — во взгляде девушки мелькает интерес. — И что же вы ищете?

— Ничего, — пожимаю плечами. — Точнее... уже нашел.

Мы смотрим друг другу в глаза. Без чинов и масок, просто немой диалог двух незнакомых людей. Она все же первой отводит взгляд и топит его в бокале. Один маленький глоток, момент ее уязвимости.

— Помогает? — киваю на бокал.

— Что? — девушка не сразу понимает, о чем речь.

— Душевная заплатка.

— Вау, — в ее голосе появляется ирония. — Может, я просто люблю крепкий алкоголь? За честность, например.

Логика понятна, но меня не провести.

— Может, — соглашаюсь легко. На самом деле не верю. Пьет не для удовольствия, а как лекарство.

— Осуждаете? — криво усмехается, а в зеленых глазах вспыхивает вызов.

— Отнюдь, — небрежно дергаю головой. — Я не судья. Но ваш мотив мне понятен.

Она приподнимает бровь.

— И какой же?

— Легкая эйфория, чтобы расслабиться и выдохнуть. Вы точно знаете свою норму. И больше нее себе не позволите, чтобы не потерять контроль над собой и ситуацией, в которой оказались.

Вижу, как ее пальцы чуть сильнее сжимают ножку бокала. Попал в нерв.

Пауза. Саркастическая улыбка становится тоньше.

— Какие глубокие познания... — голос пропитан ядом, а в глазах не удивление, а легкая досада, будто я застал ее за чем-то интимным. Она не хочет слышать о себе правду.

— Всего лишь наблюдательность, — отвечаю я, отпивая из своей чашки. — Профдеформация, если хотите.

— И кто же вы по профессии?

Она тут же машет рукой.

— Хотя нет, не говорите. Я сама попробую угадать.

Я спокойно смотрю в глаза, позволяя ей втянуть меня в эту игру. Мне даже интересно, что она увидит.

Собеседница внимательно меня рассматривает. Медленно и слишком тщательно. Чуть склоняет голову, закусывает нижнюю губу, прищуривается. Смотрит как на экспонат, чувствую себя под микроскопом. Непривычно и... забавно.

Ее взгляд скользит по моим плечам, останавливается на руках, на том, как я держу чашку и снова взмахивает ресницами, чтобы заглянуть в глаза.

— Да ладно... — отмахивается небрежно. — Это слишком просто. У вас военная выправка и прямой взгляд. Погоны намертво прилипли к плечам. Судя по возрасту — подполковник.

— Майор, — хмыкаю я, откидываясь на спинку. — Но впечатлен.

Попала почти в яблочко. Не по званию, а по сути. "Погоны намертво прилипли" — это точно про меня. Даже после отставки. Они въелись в кожу, вросли в кости. Выправили позвоночник и зацементировали взгляд.

— Не только вы умеете читать невербалику.

— Не сомневаюсь. Вы опасны в своей наблюдательности, — говорю искренне. — Психолог? Следователь?

— Ах, оставьте, — отмахивается. — Это ни к чему.

Я ставлю чашку на блюдце. Кофе уже остыл и не приносит удовольствие. Пора заканчивать посиделки.

— Забавно, — говорю спокойно. — Мы уже десять минут разговариваем, а я так и не узнал вашего имени.

Аккуратно намекаю, что хочу узнать имя. Она усмехается.

— Зачем?

Она смотрит на меня внимательнее. Вижу, как в ее голове крутятся варианты. Сказать имя — стать чуть более реальной. Не сказать — остаться загадочной незнакомкой. Безопаснее второе. Но...

— Просто предпочитаю знать, с кем пью кофе.

Глава 5. Глеб

Она делает еще один глоток. Последний. Ставит бокал и смотрит в стол, будто решая стоит ли. Борьба на ее лице написана четко. Интерес борется с осторожностью, усталость с правилами приличия. Интересно, какое правило она нарушает, просто сидя здесь со мной?

— Юля, — говорит она наконец.

Коротко. Без интонации. Бросает слово, как отработанную гильзу. И оно пропитано ложью. Считаваю на подсознательном уровне. Девушка не хочет, чтобы я знал ее настоящее имя. Потому что имя — ключ к прошлому, а она его защищает. Я не имею права ломать эту защиту. Да и не хочу в общем-то. Пусть будет Юля...

Киваю, но не комментирую. Просто принимаю, как данность.

— Глеб.

— Куда вы едете, Глеб? — спрашивает она, меняя тему на более безопасную.

— До конечной.

— Турист или командировка?

— А как вам кажется?

Снова подкидываю ей игру. Пусть анализирует. Мне интересно, куда она выведет.

Юля изучает меня внимательнее и недовольно морщит носик.

— По службе.

Хмыкаю. Почти угадала. Гражданский госпиталь тоже служба, но уже без присяги. А душа-то все еще живет по стойке "смирно".

— А если в отпуск?

Она сразу качает головой. Резко, почти рефлекторно.

— Нет.

— Почему?

— Потому что военные не отдыхают, — говорит спокойно, но в голосе пробивается ледяная жилка. — Они служат, и... разрушают все вокруг себя.

Говорит не со злостью, а с усталой убежденностью. Как констатацию факта.

Вот тут что-то цепляет. Не больно, но неприятно, как неверный диагноз. В этих словах проскальзывает личная история, но Юля вешает ярлык на всех, кто носит форму. Сейчас не удается увернуться.

— Извините, — добавляет она, чуть тише. — Это не к вам лично. Просто аллергия... на форму.

— Я не принимаю на свой счет чужие травмы, — отвечаю ровно, но внутри все равно шевельнулось что-то колючее.

Юля поднимается. Резко, будто спохватившись, что засиделась. Сеанс окончен. Диагноз поставлен: "военный, потенциально опасен". И это ее право.

— Мне пора.

— Конечно.

Я не предлагаю проводить. Не задаю лишних вопросов. Просто смотрю, как она уходит между столиками, растворяется в желтом свете ламп. Спина прямая, шаг уверенный. Никаких признаков слабости. Хорошо обучена. Кем? Жизнью? «Военным»?

Допиваю кофе. Он совсем холодный, и горечь теперь ощущается отчетливее. Смотрю в окно. В черном стекле мелькают огоньки каких-то поселков. Думаю, кто и когда научил ее так ненавидеть форму. Кто этот военный, что оставил в ней такие шрамы? И почему красивых женщин всегда кто-то ломает первым?

— Мы закрываемся, — говорит официантка, подходя ближе. — И...

Она кивает на сиденье напротив.

— Кажется, ваша спутница что-то забыла.

Смотрю. На темной обивке лежит тонкий серебряный браслет. Замочек сломан, потеряла и не заметила. Рассматриваю находку: красивый, утонченный. Юле подойдет.

Первое желание отдать официантке и забыть. Это разумно и правильно. У меня своих проблем хватает. Но пальцы сжимаются сами. Твердо, почти судорожно. Разум кричит одно, а какая-то другая часть меня диктует другое.

Я зажимаю браслет в кулаке.

— Спасибо, — бормочу официантке. — Я разберусь.

Я встаю. Вагон-ресторан почти опустел, свет уже не такой теплый, шум стихает. Браслет холодит ладонь, когда я перекладываю его в карман.

Иду по коридору вагона, не торопясь, пытаюсь привычно проложить план действий. Я не знаю номер ее купе и спрашивать не собираюсь.

Видел только, как она садилась в вагон СВ.

Пару дверей прохожу мимо. У одной горит свет под дверью. У другой слышны голоса за перегородкой. И только у третьей густая, напряженная тишина. Такая же, как она сама.

Я шумно втягиваю воздух и останавливаюсь. Поднимаю руку, чтобы постучать и замедляю, вдруг ясно осознав, что перешел границу дозволенного. Дальше шаг, который нельзя будет отмотать назад. Но сейчас еще можно развернуться, отдать находку проводнице утром и забыть эту женщину. Так будет рационально и правильно.

Я даже делаю вдох, чтобы отступить, но в этот момент дверь открывается.

Без стука. Без предупреждения. На пороге стоит Юля, ее волосы распущены, светлые пряди падают на плечи. В купе за ее спиной приглушенный свет, тень от лампы скользит по стенам. Девушка смотрит прямо на меня, будто знала, что я приду. Будто ждала.

Мы застываем друг напротив друга.

Слишком близко.

Слишком тихо.

Я чувствую, как внутри что-то медленно, неотвратно смещается, словно плита под ногами. Точка, где еще можно было уйти, остается позади.

— Вы... — начинает Юля и замолкает.

А я понимаю, что впервые за долгое время не знаю, что скажу дальше и это по-настоящему опасно.

Глава 5. Глеб

— Простите за вторжение, — голос непривычно проседает.

Юля смотрит настороженно и молчит. Глаза не отводит, ждет объяснений, а я, словно язык проглотил. Стою слишком неподвижно, будто на разборе, в горле сухо, а в голове ни одной внятной мысли, только пульс, который вдруг стало слышно слишком отчетливо.

— Вот, — разжимаю ладонь, на ней браслет.

Девушка лишь мажет небрежным взглядом, но не спешит забирать.

— Могли бы отдать официантке. Или проводнику, — холодно сообщает вместо благодарности и рефлекторно ведет плечами, словно замерзла.

— Мог, но...

Она вопросительно дергает бровью, но глаза не отводит.

— Хотел лично убедиться, что браслет найдет хозяйку.

Звучит формально. Но по-другому не скажешь.

Юлия медленно забирает браслет. Пальцы касаются моей кожи всего на секунду дольше, чем нужно, но по венам прошибает ток. В груди что-то обрывается и тут же подпрыгивает в горло. Усилием воли держу лицо. Навык, годами отточенный, но сейчас он дает сбой.

Она замечает это. Я тоже.

— Убедились?

— Пожалуй, — киваю.

— И что теперь? — спрашивает с усмешкой. — Миссия выполнена?

Звучит провокационно или мне так только кажется? Невольно считываю каждую мелочь: как ее пальцы чуть сильнее сжали браслет, как дыхание сбилось с ритма, а зрачки дрогнули, расширяясь. Взгляд на секунду опускается к моим губам и тут же возвращается обратно.

— Почти, — отвечаю я и невольно сам залипаю на ее губах. Она их быстро облизывает и нервно сглатывает.

А я внутренне напрягаюсь, все замирает, как перед выстрелом. Тишина между нами натянута, как провод под током.

Сейчас самое время закрыть дверь и уйти. Лучшее решение из возможных. Для нее в первую очередь, но Юля не двигается, а я не хочу уходить. Смотрю на нее и понимаю, что уйти уже не смогу, но и нагло вломиться не позволяет совесть и честь.

Секунда. Две. Три. Мы смотрим друг на друга, и воздух между нами становится вязким, почти осязаемым. Ее ресницы едва заметно дрожат. Рука на косяке чуть ослабляет хватку. Корпус разворачивается на градус внутрь купе.

Это не приглашение, а скорее... отсутствие отказа. Невербальный язык тела, больше на подсознании. Юля не говорит «зайди», но и не закрывает дверь.

И этого достаточно. Делаю шаг вперед. Медленно, чтобы дать ей шанс передумать и отступить, но Юля не двигается.

Второй шаг и я уже в купе, в полуметре от нее. Слышу, как дверь за моей спиной заезжает в пазы, отсекая шум поезда. Остаемся только мы, тишина и гул в голове.

Юля поднимает глаза. В них уже не холод и настороженность. А что-то уязвимое, испуганное и жадное одновременно. Дыхание сбито, грудь под тонкой водолазкой вздымается часто, мелко. Она не отводит взгляд. Смотрит все время прямо, в упор, будто хочет прыгнуть с обрыва и проверяет поймаю или нет.

— Зачем ты пришел? — шепчет одними губами, но, я уверен, знает ответ.

— Я пришел за тобой, — отвечаю тихо и ровно.

Она вздрагивает. Зрачки расширяются еще сильнее. В них испуг, неверие... и что-то жадное, обнаженное.

— Вот так просто?

— Да. Мы взрослые люди.

Без игр и притворства. Когда чувствуешь притяжение не прячешься за флиртом.

— Ты же меня не знаешь, — Юля судорожно вздыхает.

— Все, что мне нужно, знаю.

Поднимаю руку. Медленно, давая ей возможность отшатнуться, отвернуться, остановить меня. Касаюсь пальцами ее подбородка осторожно и мягко. Кожа горячая, почти обжигает. Юля вздрагивает, но не отстраняется.

— Ты пожалеешь, — шепчет она предупреждающе.

— Никогда.

Наклоняюсь. Все внутри кричит: «Осторожно! Не ломай! Не спеши!» Но другая часть — та, что приняла решение в тот момент, когда я не отдал браслет официантке, — уже не отступит.

Первое касание губ пробное, почти невесомое. Вкус коньяка и чего-то еще, горького и сладкого одновременно. Юля не отвечает, замирает, будто проверяет, реально ли это. И я уже готов отступить, дать ей время, как ее пальцы вдруг вцепляются в мою рубашку на груди. Сжимают ткань так, будто она тонет, а я единственная опора. Она притягивает меня ближе, отвечает — сначала робко, потом отчаянно, жадно, срывая последние тормоза.

Пропасть все ближе, и мы летим в нее.

Я обхватываю ее лицо ладонями, зарываюсь пальцами в волосы, чувствуя, как шелк прядей скользит между ними. Целую глубже. Не торопясь. Как будто проверяю реальна ли она. И понимаю, что отпускать уже не хочу.

Она стонет мне в губы тихо, сдавленно. Звук разрезает тишину, бьет под дых. Я прижимаю ее к себе, одной рукой обхватывая талию, другую оставляя в волосах. Юля подается навстречу, ломая последние сантиметры между нами.

Внутри только она. Ее дыхание и вкус. Ее пальцы сжимают ткань на моей груди так, будто боится передумать. Ее тихий, отчаянный шепот между поцелуями, которого я не могу разобрать.

Поезд качает. Где-то за стеной смеются, хлопает дверь. Есть только этот маленький отсек, приглушенный свет, тяжелое дыхание и она. Я отрываюсь от ее губ на секунду. Смотрю в зеленые, глубокие глаза, которые сейчас без защиты, без брони. В них уже не холод, а растерянность, страх и что-то очень похожее на надежду, которую она отчаянно пытается спрятать.

Если она скажет «нет», я уйду. Но, если промолчит, я больше не остановлюсь.

— Останови меня сейчас, — тихо. — Потом будет поздно.

Глава 6. Глеб

Юля смотрит мне в глаза, молчит и тяжело дышит. А вместо ответа снова тянется к моим губам сама. С таким отчаянием, будто сдается в плен. Целует так, словно подписывает капитуляцию без условий и требований.

Подхватываю ее за талию, приподнимаю — она легче, чем я думал, почти невесомая. Сажаю на край столика. Между нами теперь нет расстояния вообще. Ногами обхватывает меня за бедра, ее пальцы скользят по моей голове, цепляются за волосы.

— Не останавливайся, пожалуйста...

Целую ее шею. Чувствую, как бьется пульс под тонкой кожей часто, испуганно, жадно. Веду губами по коже, к воротнику водолазки, и Юля выгибается, запрокидывая голову, открывая мне доступ.

Замираю всего лишь для того, чтобы набрать в легкие воздуха, а затем стягиваю с нее водолазку. Медленно, чтобы дать шанс передумать. Чтобы запомнить каждое движение. Ткань скользит вверх, открывая живот, грудь, плечи. Юля не отводит взгляд, хотя в глазах нервозность и доверие в равных пропорциях.

Снимаю лифчик и откидываю ненужную одежду в сторону, а сам откровенно рассматриваю Юлю. Идеальные пропорции. Тонкая талия, которую можно обхватить пальцами. Кожа молочная, гладкая, почти светится в приглушенном свете купе. Грудь поднимается в такт дыханию. Я касаюсь, и она вздрагивает.

Красивая. И от этого почти больно.

— Не смотри так, — шепчет она и пытается прикрыться, но я перехватываю ее запястья.

— Почему? Ты прекрасна.

Она нервно кусает губу и отворачивается. И я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее грудь. Юля выдыхает рвано и остро. Я обвожу языком сосок, чувствуя, как он твердеет еще сильнее, как она вздрагивает всем телом, вцепляясь пальцами в мои плечи. Целую. Ласкаю. Слушаю ее дыхание, которое с каждым моим движением становится все прерывистее.

— Глеб...

Это первый раз, когда она произносит мое имя. Не между делом в разговоре, а вот так с выдохом, стоном, мольбой.

Я подхватываю ее на руки и опускаю на узкую полку. Юля тянется ко мне, нетерпеливо расстегивает пуговицы на моей рубашке, пальцы дрожат, пуговицы не поддаются. Помогаю. Стягиваю ткань с плеч.

Юля касается моего плеча. Там, где шрам. Ведет пальцем по неровному рубцу, не спрашивая. Просто гладит.

— Потом расскажешь? — шепчет.

— Расскажу.

Я целую ее в живот, провожу губами по ребрам, спускаясь ниже. Она выгибается, вжимаясь в матрас, пальцы скользят по моей голове, зарываются в волосы. Срывается на стон, когда я расстегиваю пуговицу на ее брюках.

— Ты хочешь? — смотрю снизу вверх. — Скажи.

— Хочу.

— Скажи вслух.

— Хочу тебя, — выдыхает она. — Пожалуйста...

Я стягиваю с нее брюки. Медленно. Смакуя. Юля лежит передо мной вся, открытая, уязвимая, в кружевном белье, которое я снимаю почти благоговейно.

И теперь нет ничего. Только мв. Вагон качает нас в такт движению. Теряю контроль, стягиваю свои брюки вместе с боксерами и забираюсь на кровать, накрывая Юлию своим телом. Она не сопротивляется и едва ощутимо дрожит от нетерпения.

Двигаюсь медленно, чувствуя, как она принимает меня. И в этот момент осознаю, что назад пути нет.

— Глеб, — шепчет она. — Глеб...

Двигаюсь размеренно, нежно и напористо. Смотрю, как меняется ее лицо, как исчезает контроль, как рассыпается броня. Она отдается мне и больше не прячется.

Я целую ее в уголок губ, в мокрую щеку и висок. Окончательно понимаю, что это не просто ночь и отпустить Юлю я уже не смогу.

— Какая же ты красивая.

Она сжимается вокруг меня, стонет в голос, и мое самообладание летит к чертям собачьим. Ускоряюсь. Глубже. Сильнее. Юля подается навстречу, вцепляется в мои плечи, царапает спину, выкрикивает мое имя и срывается первой, вздрагивая и выгибаясь, теряя себя в моих руках.

Я отпускаю себя и догоняю ее на пике блаженства.

Чуть позже, она лежит на моей груди, и я рисую пальцем узоры на ее позвоночнике. Кожа теплая, влажная, прилипает к моей ладони. Поезд качает, за окном чернота, в купе тихо и темно, только лампа под потолком горит приглушенно, желтым.

— Не спишь? — спрашиваю тихо.

— М-м-м, — мычит она в мою кожу.

— Как тебя на самом деле зовут?

Именно сейчас, хочется назвать свою женщину по имени. Прочувствовать его вкус на губах, впитать его в себя.

Юля поднимает голову. Смотрит на меня усталыми, счастливыми глазами. Улыбается впервые искренне, без надменности и брони.

— Утром скажу, — шепчет она.

— Почему не сейчас?

— Потому что тогда ночь закончится. А я хочу, чтобы она длилась вечно.

Я прижимаю ее к себе сильнее. Утыкаюсь носом в макушку, вдыхаю запах волос: дорогой шампунь, ее кожа и наша близость.

— Договорились, — говорю в макушку.

Она засыпает быстро. Дышит ровно, глубоко, доверчиво. Я держу ее в объятиях и думаю: Я на всем ходу втрескался в незнакомую женщину. И впервые в жизни не хочу сопротивляться.

Веки становятся тяжелыми, а в душе наступает умиротворение.

— Подъезжаем!

Голос проводницы врывается в сон, как оскользящий снаряд. Я распахиваю глаза. Сердце подпрыгивает к горлу.

В купе светло. За окном город, люди, суета. И тишина. Подушка рядом холодная.

Сажусь резко, рывком. Простыня сползает, обнажая меня, но Юли рядом нет. Нет ни вещей, ни чемодана, который стоял в углу. Как будто и не было никогда. Но мне же не приснилось?

— Твою мать!

Резко подрываюсь и надеваю трусы, затем рубашку. Пуговицы не слушаются, пальцы трясутся. Натягиваю джинсы, хватаю куртку и вылетаю в коридор.

Глава 7. Глеб

Коридор вагона встречает специфическим запахом поезда. Я иду к проводнице, стараясь не хромать слишком заметно. Внутри все полыхает, но голова работает четко, как на задании.

— Доброе утро, — обращаюсь к женщине в форменной жилетке. Она возится с постельным бельем.

— Здрасьте, — отвечает без особого интереса.

— Девушка из третьего купе, — говорю максимально ровно. — Где она?

Проводница поднимает глаза. Секунду изучает меня, оценивая.

— Я не слежу за пассажирами.

— И все-таки, — давлю настойчиво взглядом.

— Вышла она на прошлой остановке. Час назад.

Проводница пожимает плечами. Жест настолько равнодушный, что хочется встряхнуть эту женщину.

— Мне нужно только имя на билете. Без лишнего шума.

Звучит как приказ, но женщина выпрямляется и складывает руки на груди.

— С какой это стати? Ты кто вообще?

— Пассажир, у которого пропала ценная вещь.

Вру без зазрения совести. Или не вру. Моя — однозначно. Ценная — без сомнений. Не вещь. Но сути это не меняет.

— Так вызывай полицию на вокзале, — советует она. — Я без начальника поезда не имею права.

— Зови начальника, — цежу сквозь зубы.

Проводница смотрит с сомнением, но рацию достает. Через несколько минут в проходе появляется мужчина в очках с уставшим лицом. Начальник поезда. Представляется. Я называюсь майором Суровым. Жму протянутую руку. Сухо объясняю ситуацию: девушка, с которой я провел ночь, утром исчезла и украла у меня ценные вещи. Вру, не моргнув глазом, но другому информацию не получить. А она мне очень нужна.

— Понимаю ваше беспокойство, — говорит начальник, поправляя очки. — Но мы не имеем права разглашать личные данные пассажиров без полиции.

— Да какая полиция, кому нужны эти проблемы. Я хочу узнать только имя и пункт назначения, чтобы понять, где искать.

— Обратитесь в линейный отдел.

Терпение заканчивается, но эмоции не прорываются наружу. Долгие годы тренировок спасают. Делаю глубокий вдох и медленный выдох. Вспышка гнева сейчас только помешает.

— Слушайте, — понижаю голос, делая его почти доверительным. — Девушка прихватила только деньги. Если я пойду в полицию, поезд задержат. Начнется разбирательство. Вам оно надо?

Начальник поезда колеблется. Проводница переводит взгляд с него на меня. Я жду, в таких ситуациях главное не пережать.

— Покажи ему, — сдастся он. — Только я ничего не видел.

Проводница неохотно ищет билет и протягивает его мне. Пробегаюсь глазами по строчкам. Юлия Комова. Пункт назначения — мой город. Она вышла там, где и собиралась. Я еду до конечной, меня ждут в областном центре.

Делаю фото билета.

— Спасибо, — возвращаю его.

— Заявлять будете? — уточняет начальник.

— Нет. Разберусь сам.

Юля осталась позади. В часе пути.

Возвращаюсь в свой вагон. Сосед сверху исчез — видимо, тоже вышел раньше. Вещи мои на месте: ноутбук в рюкзаке, документы во внутреннем кармане куртки, деньги там же, где и были. Ничего не тронуто.

Сажусь на край полки и смотрю в одну точку. Сбежала. Вот так просто, не оставив номера. Значит не собиралась встречаться еще раз. Она ошиблась.

Я не случайность.

Достаю из бокового кармана обезбол. Кидаю в рот две таблетки, запиваю водой из бутылки. Горько. Во рту и где-то глубже. Организм требует догнать девчонку, найти, спросить обо всем в глаза. Но холодная голова удерживает от опрометчивых поступков, в конце концов приехал я не за этим. Пока не за этим.

Поезд замедляет ход. За окном плывут знакомые с детства пейзажи: старые заводские трубы, новостройки на окраинах, вокзал с облупившейся краской. Еще подростками мотались сюда на электричке, чтобы потусить.

Выхожу на платформу. Холодный воздух проникает под расстегнутую куртку и пробирает до костей. Стою, шурю от бледного солнца, втягиваю свежий воздух. Пахнет весной. Пятнадцать лет не был в этих краях, а запах не изменился.

— Товарищ майор? — голос молодой и звонкий раздается откуда-то сбоку.

Поворачиваю голову. Рядом стоит парень в новенькой шинели, лейтенантские погоны сияют на плечах. Щеки розовые от мороза, взгляд восторженный. Встречают.

— Суров Глеб Михайлович? — уточняет на всякий случай.

— Он самый, — киваю.

— Лейтенант Сазонов, — представляется он и тянет руку. — Генерал-майор Игнатьев прислал встретить. Машина у выхода.

Жму ладонь. Крепкая, сухая.

— Веди, лейтенант.

Идем через вокзал. Люди снуют туда-сюда, кто-то бежит к электричке, кто-то тащит огромные сумки. Обычная жизнь, а я чувствую себя здесь чужим и даже диким. Пятнадцать лет не просто срок, а совсем другая планета.

Сажусь на заднее сиденье служебного «Мерса». Лейтенант устраивается спереди, водитель трогается с места. Машина ныряет в утренний поток, город проплывает за тонированным стеклом.

Я смотрю на улицы, дома, витрины, но не вижу их. Перед глазами стоит Юля. Ее лицо в приглушенном свете купе, пальцы на моем плече, там, где шрам, хриплое обещание: «Утром скажу».

Не сказала.

Тру глаза пальцами. Надо все проанализировать, а не рефлексировать. Не моя тема эти ванильные сопли. По факту что?

Прокручиваю ночь назад. Юля не задавала вопросов, ее не интересовали подробности моей жизни. Обычно женщины спрашивают, а она вообще не пыталась меня узнать. Только чувствовать.

Вряд ли это случайность, Юля сознательно не оставляла следов. Не хотела, чтобы я ее искал. Не хотела привязываться. Или не имела права? Невольно всплывает наш разговор в вагоне-ресторане. Аллергия на форму, говоришь?

В груди неприятно подгорает. Ощущение такое, что меня просто использовали. А я. Что сделал я? Присвоил ее. За несколько часов. Просто посмотрел и решил, что моя. Моя же? Тело отзывается приятной дрожью. Найду. Не из принципа, а потому что так решил.

Машина тормозит у серого здания с высокими окнами. Лейтенант оборачивается:

— Приехали, товарищ майор. Генерал ждет.

Киваю и выхожу. Холодный ветер задувает за воротник. Поправляю куртку, одергиваю рубашку. Внешний порядок помогает собрать внутренний.

Иду за лейтенантом. КПП, проверка документов, лифт на третий этаж. Длинный коридор с портретами командующих. Кабинет в конце. Лейтенант стучит, приоткрывает дверь:

— Товарищ генерал-майор, майор Суров прибыл.

— Пусть заходит, — раздается изнутри.

Захожу. Кабинет большой, строгий. Стол, карты на стенах, флаг в углу. За столом сидит грузный мужчина с седыми висками и цепкими глазами. Генерал-майор Игнатьев. Встает навстречу, протягивает руку.

— Ну, здравствуй, Глеб, — говорит он просто, по-свойски. — Вот и познакомились.

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор, — отвечаю по уставу.

— Да брось ты, — отмахивается он. — Мы не на плацу. Присаживайся.

Сажусь напротив. Генерал обходит стол, опускается в кресло. Смотрит внимательно, изучающе.

— Как доехал?

— Нормально, — пожимаю плечами.

— С ногой как?

— Заживет, как на собаке.

Он кивает и открывает папку, лежащую перед ним.

— Значит, так, Глеб. Должность заведующего хирургическим отделением госпиталя для ветеранов твоя. Документы готовы, приказ подписан. Завтра можешь приступать.

— Спасибо.

— Не за что, — он закрывает папку и подвигает ее мне. — С такими рекомендациями, как у тебя, можно было в Москву, в Питер. В центральные госпитали. А ты в провинцию. Почему? Смотрю прямо в глаза. Слишком прямо, наверное, но врать не умею и не хочу.

— Устал, товарищ генерал. Хочу работать, а не воевать.

Этого достаточно.

Генерал молчит. Секунду, другую. Потом усмехается.

— Покой нам только снится, как говорил классик. Но я тебя понимаю. Сам через это проходил.

— Только... — начинаю и замолкаю.

— Что?

— Слишком гладко, — смотрю ему в глаза. — Так не бывает. Чтобы просто так, без подвоха.... Не к лицу вам, товарищ генерал.

Игнатьев смотрит на меня долго. Очень долго, а потом вдруг смеется. Громко, открыто.

— Вот ты какой, Суров, прямой, как рельса. — Он качает головой. — Нет тут подвоха. Хотя... — осекается. — Ладно, пока не о чем говорить. Езжай, вступиай в должность, обживайся. Потом встретимся.

— Есть, — киваю и поднимаюсь на ноги.

— Вот еще что, — генерал открывает ящик стола, достает связку ключей и протягивает мне.

— Служебная квартира. Адрес там, на бумажке. Машина отвезет.

Не отказываюсь, квартира очень кстати, прячу ключи в карман. Смотрю на генерала. Нутром чувствую, что недосказал он что-то. Недоговорил. Но давить бесполезно. Сам расскажет, когда посчитает нужным.

— Разрешите идти?

— Иди. И, Глеб...

Останавливаюсь у двери.

— С возвращением домой.

Усмехаюсь и выхожу в коридор. Иду обратно, не глядя по сторонам. В голове шумит: домой, домой, домой...

На улице останавливаюсь. Задираю голову к небу. Оно низкое, серое, давит на плечи. Глубоко вдыхаю. Холод обжигает легкие, выстуживает изнутри ту боль, что засела под ребрами.

Домой. А в голове одна Юля, моя беглянка. Но я найду тебя, девочка. Переверну этот город. Если нужно поеду дальше. Даже если ты не хочешь, чтобы тебя нашли.

Потому что я тебя не отпускал.

Глава 8. Глеб

Машина останавливается у пятиэтажки. Обычной, панельной, с облупившейся краской на фасаде и ржавыми козырьками над подъездами. Двор заставлен машинами, детская площадка пуста, на скамейке сидит старушка с сумкой. Родной город встречает уныло. Как будто бы ничего и не изменилось за столько лет.

— Третий подъезд, — говорит водитель, не оборачиваясь. — Квартира сорок семь.

— Спасибо.

Выхожу, достаю из багажника сумку. Перекидываю через плечо, захожу в подъезд. Пахнет сыростью и кошками. Лифта нет. Поднимаюсь пешком на третий этаж, считая ступеньки. Нога неприятно ноет, но терпимо.

Останавливаюсь. Дверь обита дерматином, номер сорок семь прикручен криво. Вставляю ключ, поворачиваю. Замок работает туго, со скрипом. Надо будет смазать.

Захожу в свое новое жилище.

Тишина. Такая плотная, что закладывает уши. Прикрываю дверь, вешаю куртку на крючок в прихожей. Осматриваюсь.

Квартира как квартира. Типовая двушка. Стены оклеены дешевыми однотонными обоями, на полу старый линолеум. Мебели минимум: в прихожей шкаф с зеркалом, в зале диван, кресло, журнальный столик и телевизор на тумбе. На кухне стол, табуретки, холодильник, плита. В спальне кровать, застеленная покрывалом, и платяной шкаф.

Иду по комнатам, трогаю стены, проверяю окна. Рамы старые, деревянные, дует из щелей. Замки на окнах есть, но хлипкие. Надо будет поменять. В ванной белый кафель с рыжими разводами, стиральная машина, полотенцесушитель еле теплый.

Возвращаюсь в прихожую. Стою, прислушиваюсь к себе. Тишина. Пустота. И странное, почти забытое чувство: я один. Ни сослуживцев за стеной, ни караула, ни дежурств. Только я и этот город, в котором я давно чужой.

Сажусь на диван, достаю телефон. Снова смотрю на фото билета.

Юлия Комова.

Два слова. Ни адреса, ни телефона, ни возраста. Только имя и фамилия. Город отправления и город назначения. Все просто и одновременно очень сложно.

Палец зависает над экраном. Потом набираю номер.

— Алло? — голос в трубке сонный, недовольный.

— Егор, привет. Не разбудил?

— Суров? — в голосе просыпается узнавание. — Ты каким ветром.

— Мне помощь твоя нужна, — говорю прямо.

— Какая?

— Пробить человека.

В трубке повисает пауза.

— Глеб, ты серьезно? Ты же на гражданку перевелся, а не в разведку? Я думал, ты теперь просто хирург, а ты...

— Егор, — вздыхаю я. — Без шуток.

— Ладно-ладно, — он все еще посмеивается, но уже деловито. — Диктуй.

— Сейчас скину фото билета. Там фамилия и номер поезда.

— Скидывай. — снисходительно соглашается Егор. — Слушай, а что она сделала-то?

— Не твое дело, — отрезаю.

— Ладно-ладно, молчу. Просто классика же...

— Егор.

— Понял, заткнулся. Жду фото.

Сбрасываю звонок. Отправляю снимок. Откидываюсь на спинку дивана и смотрю в потолок. На нем пятно от протечки, похожее на карту материка.

Надо в душ. Достаю из рюкзака полотенце.

Раздеваюсь прямо в прихожей, бросаю вещи на стиралку. Захожу в ванную. Вода идет ржавая сначала, потом светлеет. Встаю под струю, закрываю глаза.

Горячая вода обжигает кожу, смывает дорожную пыль, напряжение, усталость. Я стою, оперевшись рукой в стену, и чувствую, как тело постепенно отпускает. Мышцы расслабляются, нога перестает ныть, голова становится чище.

Душ действует как перезагрузка. Смывает чужое, оставляя самим собой.

Выхожу, закутываюсь в полотенце. Иду в спальню, раскладываю вещи. Форма в шкаф, гражданское на полки, аптечку на тумбочку. Достаю ампулы, шприц. Делаю укол обезбола и выдыхаю.

Сажусь на кровать. Жду, когда отпустит.

Тело теплеет, тяжелеет, уходит в режим ожидания. А голова, наоборот, проясняется.

Телефон вибрирует.

— Слушаю.

— Это я, — голос Егора уже без смеха. Сосредоточенный, деловой. — Тебе повезло, такая девушка в твоём городе одна. Скинул тебе на почту. Посмотри.

— Что там?

— Юлия Сергеевна Комова, двадцать семь лет. Паспортные данные, прописка, фото. Пара ссылок на соцсети. Больше пока ничего нет. Если надо глубже — скажи, пока я так, по верхам прошелся.

— Понял. Спасибо.

— В карман не положишь.

— Понял, — хмыкаю я и сбрасываю звонок.

Встаю, захожу в гостиную, забираю ноутбук и прихожу на кухню. Включаю ноут и наливаю чайник. Пока греется, открываю почту и нахожу письмо от Егора.

Фото. Паспорт. Прописка. Лицо...

Смотрю. И внутри что-то обрывается.

Это не она. Не моя Юля. Совсем не она.

Другая форма лица. Другие глаза, какие-то маленькие, близко посаженные. Волосы темные, стрижка короткая. Другая улыбка. Другой нос. Все другое.

Юлия Комова может и одна, но совсем не та, кого я ищу... Смотрю на экран, и внутри разрастается холод и тишина. Хищная и выжидающая.

Она, конечно, солгала, но зачем?

Насыпаю в чашку растворимый кофе, механические действия помогают думать. Заливаю кипятком. Смотрю, как крупинки растворяются, превращая воду в темную жижу.

От кого ты бежишь, девочка?

Делаю глоток. Кофе горький, дешевый. Обжигает небо.

Я ставлю чашку на стол. Смотрю в окно. За стеклом серый город, серое небо, серые дома. Где-то там, в этой серости, затерялась женщина с зелеными глазами, которая мне очень нужна.

Давай же, Суров, и не такие задачки решал.

В голове прокручивается все, что было. Каждое слово, каждый жест, каждый взгляд. Она не давала информации, но делилась чувствами. Боялась. Не меня, а того, что между нами. Отшатнулась, когда поняла, что теряет контроль, а потом шагнула в пропасть сама.

Значит, сбежала не от меня, а вернулась в свою жизнь. Все интереснее...

Я допиваю кофе. Подхожу к окну, открываю раму. Холодный воздух врывается в кухню, разгоняет духоту.

Вопрос, от которого не отвернуться, висит в этом воздухе:

От кого ты прячешься, Юля? Или как тебя там на самом деле?
И главное, как мне тебя найти?

Глава 9. Глеб

Утро врывается в квартиру вместе с серым светом за окном. Я открываю глаза ровно в шесть, без будильника. Привычка, вьевшаяся в кости. Пятнадцать лет службы не отменить одной ночевкой на гражданке.

Встаю. Нога ноет, но терпимо. Укол вчерашний еще работает. Ряд упражнений, чтобы взбодриться и дать мышцам минимальную нагрузку.

Иду в душ, потом смотрю в зеркало: лицо спокойное, глаза ясные. Никто и не скажет, что внутри полыхает опасное пламя неизвестности. Так и должно быть.

Сегодня первый рабочий день на новом месте, в новой должности. Сначала госпиталь, люди, знакомство, а все остальное потом. Наливаю кофе и глажу одежду. На светло-серой рубашке ни единой складки, а о стрелки на брюках можно порезаться.

Одеваюсь. Строго, официально, без намека на погоны. Я теперь гражданский хирург, надо бы это запомнить. Хрущу шеей, закидываю по карманам всякую мелочь, отдельно кладу обезбол. Забираю папку с документами и выхожу на улицу.

Холодный воздух неприятно пробирается под куртку. Такси ждет у подъезда, я бы предпочел прогуляться пешком, если бы не нога. Сажусь на заднее сиденье. Город плывет за окном: утренние пробки, сонные лица на остановках, очереди в кофейнях. Обычная жизнь обычных людей. Я смотрю и не вижу. Голова уже там, в операционной, в ординаторской, в документах.

О Юле наоборот ни единой мысли. Отключаю этот канал полностью. Задвигаю поглубже, в тот отсек, где хранятся эмоции, которым нет места на службе. Сначала дело. Потом уже все остальное. Так я выжил там. Так выживу здесь.

Госпиталь вырастает за поворотом: серое здание в пять этажей, старые корпуса, новые пристройки. Машина тормозит у ворот, под шлагбаум не пускают. Придется идти пешком.

Территория ухоженная: дорожки посыпаны песком, скамейки покрашены, везде урны. Хороший признак, ковьялю по дорожке и захожу в главный корпус. Приемный покой, регистратура, лифты. Еду на третий этаж, в хирургическое отделение.

Ординаторская. Дверь открыта, но в кабинете пустота. Стою, жду. Из коридора доносятся голоса, шаги, звон посуды. Жизнь идет своим чередом.

Появляется женщина в белом халате. Лет сорок, очки на веревочке, взгляд озабоченный.

— Вы к кому? — спрашивает, окидывая меня быстрым взглядом.

— Суков Глеб Михайлович. Новый заведующий отделением хирургии.

Женщина замирает. Секунду смотрит, потом переводит взгляд куда-то в сторону.

— Как новый? — говорит растерянно. — А старый куда?

Протягиваю папку с приказом. Она читает, хмурится, возвращает.

— У нас же есть исполняющий обязанности. Иван Олегович. Может, вы пока подождете?

— Где кабинет Ивана Олеговича?

Как удачно совпало инициалы.

— Там, — машет рукой куда-то вглубь коридора. — Третья дверь направо. Но он сейчас занят...

Не дослушиваю и иду напрямиком к ИО.

Коридор длинный, с казенным линолеумом и плакатами по технике безопасности. Прохожу мимо сестринского поста, чувствую, как провожают взглядом и шепчутся за спиной. Вокруг меня словно возникает стена, невидимая, но плотная. Меня здесь однозначно не ждали...

Третья дверь направо. Табличка: «Заведующий отделением». Открываю без стука.

В кабинете двое. Мужчина в халате сидит за столом, напротив него медсестра с папкой. Оба смотрят на меня с недоумением.

— Вы кто? — спрашивает мужчина. На вид лет пятьдесят, седые виски, уверенный взгляд. Сам ИО, надо полагать.

— Суков Глеб Михайлович. Новый заведующий хирургическим отделением.

Пауза. Тяжелая, вязкая. Медсестра переводит взгляд с меня на него и обратно. Олегович медленно откидывается на спинку кресла.

— С чего вдруг? — говорит он ровно. Без агрессии, но голос звучит раздраженно. — Мы не просили нового заведующего.

— Это ничего, — достаю приказ, кладу на стол перед ним. — Я сам напросился.

Он читает. Долго, внимательно, каждую строчку. Медсестра замирает, боясь дышать. Я стою, жду. Не суечусь. Не объясняюсь. Просто стою.

ИО поднимает глаза. В них смесь раздражения и оценки. Понимает, что спорить бесполезно. Меня уже назначили, с главврачом согласовано.

— Ну что ж, — говорит он наконец. — Добро пожаловать, товарищ майор. То есть, доктор Суков.

— Спасибо.

Иван встает, обходит стол. Теперь мы стоим друг напротив друга. Он чуть ниже, но плечи расправлены, подбородок вздернут.

— Я Иван Олегович Кравцов, — представляется. — Исполняющий обязанности. Последние полгода, коллектив привык.

— Привыкнут заново.

Он усмехается, скорее скептически.

— Посмотрим. — Кивает медсестре: — Ольга, дай халат доктору и собери всех на пятиминутку в ординаторской.

— Какой распорядок? — спрашиваю спокойно, натягивая халат. Немного жмет в плечах, но это ничего.

— После утренней пересменки собираемся, — отвечает он с намеком. — Но вы, конечно, можете все поменять.

— Могу.

Но пока не буду. Они оба выходят, а я осматриваюсь. Кабинет оказывается просторным. Стол, кресло, шкафы с папками, компьютер, кушетка. Окно во двор, вид на деревья и парковку. Сажусь, провожу рукой по столешнице. Чисто, пыли нет. В дверь стучат. Входит Кравцов без приглашения.

— Хочу сразу расставить точки, — говорит он, закрывая за собой дверь. — Я здесь работаю двадцать лет. Прошел путь от ординатора до ИО. Коллектив собран мной, методики применяются мои, пациенты идут специально ко мне.

Как пафосно звучит.

— И?

— И я не собираюсь уступать место человеку, который приехал непонятно откуда и сразу в теплое кресло. Вы можете быть хоть трижды гениальным хирургом, но здесь свои законы.

Смотрю на него. Усталый, амбициозный, загнанный в угол. Понимаю в какой-то степени. На его месте любой бы так реагировал. Но понимание не значит согласие.

— Иван Олегович, — говорю ровно. — Я не отбираю у вас место. Я просто занимаю свое. Вы остаетесь моим замом, если захотите. Будем работать вместе. Или по отдельности. Выбирайте.

Он криво усмехается.

— Гладко стелите.

— Делать буду так же.

Молчит. Секунду, другую. Потом кивает.

— Посмотрим, — повторяет свою любимую фразу и выходит.

Остаюсь один. Смотрю в окно. В голове прокручивается разговор. Ничего необычного. Типичная встреча нового начальника со старым коллективом. Пассивное сопротивление, обида, попытка продавить. Я такое видел десятки раз. В армии это решается быстрее и жестче, в гражданской медицине — тоньше, но суть та же.

Достаю телефон. Сообщений нет. Ни от кого. И это хорошо.

В коридоре шум. Голоса, шаги, возня. Открывается дверь, влетает медсестра, все та же Ольга, запыхавшаяся, с красными пятнами на щеках.

— Иван Олегович! Там это... В смотровую вас зовут. Срочно! Ой... — замирает, увидев меня, будто приведение.

— Что случилось?

— Пациентка особенная. — Она мнетя, понижает голос. — Блатная. Просили лично заведующего...

Встаю. Блатная. Особенная. Важная. Знакомые категории. В армии такие тоже были: жены начальников, дочери генералов. С ними всегда отдельная история. И отдельная головная боль.

Выхожу в коридор и вижу Кравцова, спешащего к смотровой.

— Иван Олегович, — окликаю его.

Он оборачивается и чуть прищуривается, ожидая подвох.

— Я сам.

— Но там...

— Я сказал — сам. Раз уж зовут заведующего, значит, пойду я.

ИО смотрит с раздражением, но спорить не решается. Отступает в сторону, пропускает.

Прихрамывая, иду по коридору, расставляя все точки. Получилось с корабля на бал, так даже лучше. Сразу окунуться в работу. Запах хлорки и лекарств витает в воздухе. Все знакомо до мелочей, до спазма в горле. Но внезапно ощущаю, что что-то не так.

Чувство, которое не объяснить словами. Оно приходит внезапно, холодком по позвоночнику. Внутренний радар, натренированный годами, подает сигнал: «Внимание». Останавливаюсь перед дверью смотровой. За дверью тишина, но я слышу в ней что-то еще.

Хмурюсь и толкаю дверь. В смотровой светло. Окно во всю стену, кушетка, столик с инструментами, ширма в углу. У окна, спиной ко мне, стоит женщина. Стройная, в светлых джинсах и черной кофте до середины бедра, волосы собраны в небрежный пучок.

Она оборачивается на звук шагов, и я замираю.

Зеленые глаза. Чуть раскосые. Обрамленные темными ресницами. Губы, которые я целовал еще недавно. Лицо, которое снилось мне эту ночь.

Юля. Она смотрит на меня. В ее глазах шок. Абсолютный, ледяной, парализующий. Не ожидала, даже не предполагала.

Я тоже.

Тишина. Секунда. Две. Три.

Где-то за стеной сигналист машина. В коридоре смеются медсестры. А здесь вакуум, в котором нет ничего, кроме нас двоих и вопроса, повисшего в воздухе.

Как?

Глава 10. Глеб

— Ты?!

Слово с ее губ вылетает раньше, чем она успевает его поймать. Оно повисает в воздухе между нами, тяжелое, как свинец.

В груди все скручивается в бараний рог, и затапливает адская смесь из злости, облегчения и еще чего-то, чему нет названия.

— Думала, не найду? — усмехаюсь язвительно, пуская пыль в глаза.

Голос звучит ровно, но внутри все дрожит от желания высказаться. И мне есть, что сказать. Но не здесь.

— Зачем тебе?

Ответить не успеваю. Дверь неожиданно открывается и входит медсестра. Черт, я уже забыл, что на приеме должен быть не один.

— Я с вами, — выдавливаю из себя улыбку.

— Как вас зовут? — спрашиваю у медсестры, а смотрю на Юлю.

— Вероника, — отвечает медсестра

Юля молчит и смотрит на меня широко раскрытыми глазами. В них застыл ужас. Абсолютный, ледяной, парализующий. И боится она не меня, а того, что я могу ее разрушить. Одним неосторожным словом... Но я не выдам ее, сначала нужно разобраться.

— Станислава Валерьевна, — медсестра садится за стол и открывает карту. — Снова к нам?

Плечи расправляются, лицо принимает вежливое выражение. Маска. Она снова надела маску.

— Здравствуйте, Вероника, — отвечает та. Голос чуть дрожит, но она справляется. — Да, небольшой ушиб... решила показаться.

Вот как... Станислава... Подходит.

— Проходите за ширму, — Вероника строчит что-то. — Глеб Михайлович вас сейчас осмотрит.

— А где Кравцов? — спрашивает уже Станислава. В голосе напряжение, почти паника. — Я записывалась к Кравцову.

— Кравцов занят, — говорю спокойно. — К вашим услугам я — Глеб Михайлович Суков. Новый заведующий отделением.

Возникает неловкая пауза.

— Вот как? — говорит Станислава тихо. — Я, пожалуй, пойду...

Разворачивается к двери.

— Само прошло? — бросаю резко.

Она замирает. Медленно поворачивается. Вскидывает бровь, тот самый жест, который я запомнил в поезде.

— Что, простите? — звучит резко, даже скорее дерзко.

— Вы пришли к врачу, — говорю ровно. — Значит, что-то беспокоит. А теперь собрались уходить, даже не показавшись.

— Не важно, — мнетса она, кусая губы. — Я в другой раз.

— И все-таки, — настаиваю, не отводя взгляд. — Как я могу отпустить такую важную пациентку без осмотра?

Под кожей пылает. Хочется потребовать ответа. Жестко. Без свидетелей. Зачем? Почему? Какого черта? Но Станислава стоит и делает вид, что мы незнакомы. Абсолютно чужие люди.

Вероника переводит взгляд с меня на нее, ничего не понимает, но ручку держит наготове.

— Так что писать? — спрашивает.

Станислава молчит и смотрит на меня. Секунду, другую. Я вижу, как она просчитывает варианты. Уйти и привлечь еще больше внимания. Остаться и рискнуть. В ее глазах мелькает паника и застывает вопрос: «Ты что делаешь?». А я сам не знаю. Но во мне уже включился режим, который выключать поздно.

— Раздевайтесь, — говорю спокойно. — Вероника, запишите жалобы.

Станислава выбирает меньшее зло и проходит за ширму, я к раковине, мою руки. Тщательно, с мылом, как положено. Вода холодная, но кожу жжет. Натягиваю перчатки с характерным скрипом.

Медсестра строчит в карте, что-то спрашивает про давление, про аллергии. Стася отвечает механически, а сама не отрывает от меня глаз. Ждет подвоха.

Я не подаю вида. Ни взглядом, ни жестом. Мы чужие. Врач и пациентка. Первый раз видим друг друга.

Медленно, глядя мне в глаза, она расстегивает блузку. Пальцы чуть дрожат, но движения уверенные. Пуговица за пуговицей. Я сглатываю, едва не забывая, что мы не одни. Тонкая ткань соскальзывает с плеч. Под ней простой белый топ, никаких кружев...

Краем глаза замечаю на ребрах темное пятно. Кровоподтек. Свежий, большой. Пальцы сами сжимаются в кулаки.

Станислава откидывает блузку и делает шаг ко мне. Синяк теперь видно полностью на левом боку, от ребер до талии. Цвета грязного фиолетового. Удар был сильным.

— Что это? — спрашиваю сквозь сжатые зубы, хотя уже знаю ответ.

— Упала, — бросает с вызовом. Смотрит прямо, не отводит взгляд.

Прищуриваюсь и подхожу ближе.

— Больно? — голос становится тише.

— Немного, — ее едва слышен.

Касаюсь пальцами края синяка. Кожа горячая, напряженная. Станислава вздрагивает, закусывает губу, чтобы не застонать. Я убираю руку на долю секунды и возвращаю. По ее телу пробегают мурашки, я чувствую их кончиками пальцев.

Провожу рукой выше, по ребрам. Нажимаю осторожно, проверяя, есть ли перелом. Терпит, дышит через нос, но глаза закрывает. Ребра целы. А вот синяк...

Втягиваю воздух и медленно выдыхаю, чтобы охладить опасное пламя, что бушует внутри. Я помню это тело. Помню каждую родинку, каждый изгиб. Той ночью в поезде я ласкал его, целовал, изучал. Синяков не было. Ни одного. Я бы запомнил. Я же не идиот.

— Откуда упала? — спрашиваю тихо. Наши лица слишком близко. Я чувствую запах ее волос, тот самый, с примесью страха.

— С лестницы, — выдыхает Станислава.

Врет. Характер травмы совсем другой. Следы от пальцев? Нет, слишком обширно. Скорее удар тупым предметом. Или обо что-то. Или ударили.

Смотрю в ее глаза. Зеленые, глубокие, с золотыми крапинками. В них боль, страх и упрямство. И еще немой вопрос. Она не понимает, почему я молчу и играю в эту игру.

А я и сам не до конца понимаю.

Но внутри сидит четкое, почти звериное: сначала разобраться, потом действовать. Она боится, значит, есть причина. Если я сейчас все разрушу своим напором, Станислава просто исчезнет. Снова. Или случится что-то хуже.

Стягиваю и выбрасываю перчатки. Отхожу к окну, давая возможность одеться. Смотрю на двор, на деревья, на серое небо. Мысли рассыпаются. Нет. Я буду молчать. Пока не пойму, от кого она прячется и почему.

— Вероника, — говорю, отстраняясь. — Напишите направление на рентген. Подозрение на трещину...

Вижу в отражении, как Станислава застегивает блузку. Руки все еще дрожат, но лицо спокойное. Маска держится крепко. На меня ноль внимания. Как будто я пустое место.

Дверь распахивается без стука. На пороге сам Кравцов. Злой, взъерошенный, с красными пятнами на шее.

— Глеб Михайлович, - в смотровую без стука входит Кравцов.

Поворачиваюсь к нему медленно. Спокойно.

— Стучать не учили? — холодно интересуюсь я, уничтожая взглядом.

Иван Олегович бледнеет и едва не начинает заикаться.

— Извините, я сам закончу осмотр, — скалится по-идиотски. — А вас срочно ждут в кабинете. Точнее нового заведующего-самозванца.

Станислава стоит, вцепившись пальцами в воротник блузки. Смотрю так, чтобы поняла — разговор не закончен.

— Хорошо, — говорю. — Вероника, проследите, чтобы пациентка прошла рентген. Я потом посмотрю снимки. Вместе с картой.

На Кравцова не смотрю.

Выхожу в коридор. Направляюсь к кабинету. Мысли скачут от одного кусочка пазла к другому и никак не удается выстроить логическую цепочку. Картинка не складывается. Станислава. Синяки. Ложь. Страх. И Кравцов, который так рвется ее осматривать. Почему? Что ему за дело? Кто же ты, девочка?

Дверь в кабинет заведующего приоткрыта. Толкаю и вхожу без стука. За столом пусто. А у окна, спиной ко мне, стоит мужчина. Широкие плечи, военная выправка, руки сложены за спиной. Смотрит на улицу, не торопится оборачиваться.

Закрываю дверь. Прохожу к столу, кладу папку.

— Чем обязан? — говорю ровно, умышленно игнорируя приветствие.

Мужчина медленно поворачивается. И я застываю, не зная, как реагировать.

— Да ладно... — выдыхаю.

Глава 11. Глеб

Передо мной стоит человек, которого я не видел пятнадцать лет. Стал старше, поседел, но глаза все те же. Черные, цепкие, с хитринкой.

Рамазан Хакимов.

— Сура? — его брови взлетают вверх. — Не может быть!

— Рамазан! — улыбка сама появляется на лице. — Вот это сюрприз.

Подхожу к нему. На секунду замираем друг напротив друга, а потом я просто сгребая его в охапку. Обнимаемся. Крепко, по-мужски, хлопая друг друга по спине. От него пахнет дорогим парфюмом и табаком.

— А ты умеешь удивлять, — говорит он, отстраняясь, но руки с моих плеч не убирает. Разглядывает, будто сверяет с картинкой в памяти. — Пятнадцать лет, Сура. Пятнадцать!

— Так получилось, — отвечаю уклончиво. Сам смотрю на него. Время его потрепало, но не сломало. Те же цепкие глаза, та же уверенная осанка. Только седины добавилось да морщин у глаз. — Ну рассказывай, каким ветром?

— Слушай, — он треплет меня за плечо. — Я здесь по делам. Услышал, что ты в город вернулся и сразу решил проведать. Поехали кофе выпьем.

— Рама, — перебиваю. — У меня пациентка. И вообще первый день на работе. Давай может вечером встретимся, посидим спокойно?

— Не-не-не, — он качает головой, и в глазах загорается знакомый азарт. — Не принимается. Я друга пятнадцать лет не видел. Поехали сразу.

— Да я на службе. Точнее, на работе, — поправляю сам себя. — Гражданский теперь.

— Да, брось! — отмахивается Рамазан. — Кравцов подстрахует. Я распоряжусь. Тут недалеко есть одно место. Посидим, поговорим. Не каждый день такие встречи.

Смотрю на него и думаю. С одной стороны, отказываться странно. Рамазан прав, хочется пообщаться. Пятнадцать лет все-таки. С другой Станислава где-то здесь. Сбежать может, а на Кравцова никакой надежды.

Стоп.

Осаживаю себя. Станислава никуда не денется. Медкарта с данными есть. Если сбежит — найду. А с Рамазаном разобраться надо бы, тем более он уже здесь.

— Хорошо, — киваю. — На пару часов могу отлучиться.

— Вот и славно! — Рамазан довольно улыбается, хлопает меня по плечу. — Пошли, мой водитель внизу ждет.

Выходим из кабинета. В коридоре Рамазан притормаживает, окидывает взглядом обстановку.

— Кравцов! — зовет громко.

Тот выныривает откуда-то из ординаторской, как черт из табакерки. Лицо напряженное, но услужливое.

— Слушаю, Рамазан Маратович?

— Отделение на тебе, — говорит Хакимов коротко. — Глеб Михайлович со мной отъедет.

Кравцов переводит на меня взгляд полый злорадства и раздражения.

— Хорошо, — отвечает сухо.

Спускаемся на первый этаж. Идем по коридору к выходу. Вероника и Станислава выходят из кабинета рентгенологии. Вероника что-то говорит, машет руками. Стася идет рядом с каменным лицом. В руках держит снимок в конверте.

Она поднимает глаза и видит нас и бледнеет, а меня прошивает холодом.

— Подожди секунду, — говорю Рамазану и шагаю к ним.

— Вероника, покажите снимок.

Медсестра протягивает конверт. Достая пленку, подношу к свету от окна. Смотрю на просвет. Ребра проступают четко, костной структуры не видно. А вот трещина... да, есть. Небольшая, но все же есть. В четвертом ребре, почти у самого позвоночника.

— Наложите тугую повязку, мазь выпишет Кравцов, — говорю Веронике. — И на повторный осмотр через несколько дней.

Сам пытаюсь поймать взгляд Стаси. Она же смотрит куда-то в пол, упрямо, демонстративно не поднимает глаз на меня.

— Станислава Валерьевна, — зову тихо. Никакой реакции. добавляю громче, официально. — Запишитесь на прием в регистратуре.

Она едва заметно кивает, но глаз не поднимает.

Позади слышу шаги Рамазана.

— Ну что, Сура, идешь? — спрашивает он. Смотрит мимо меня, на девушек. Взгляд цепкий, оценивающий. На Стасе задерживается на секунду дольше, чем на Веронике.

Я внутренне напрягаюсь.

— Идем, — говорю быстро. Возвращаю снимок Веронике. — Занесите ко мне в кабинет вместе с картой, я еще раз посмотрю.

И ухожу ничего не сказав, ничего не выяснив, даже не взглянув на Станиславу нормально. На выходе из госпиталя Рамазан кладет руку мне на плечо.

— Как тебе девочка? — спрашивает вдруг.

Сердце пропускает удар, но не подаю виду.

— Какая?

— Ну там, с медсестрой. Пациентка твоя? — он кивает куда-то назад.

— Не рассматривал, — отвечаю максимально ровно. — На работе я работаю, Рама.

Он смеется. Громко, открыто, запрокидывая голову.

— Все такой же сухарь, Сура! Пятнадцать лет прошло, а ты не изменился. Ни баб, ни выпивки, одна служба.

— Была служба, — поправляю с ухмылкой. — Теперь работа.

Садимся в машину. Черный внедорожник с тонированными стеклами, водитель в костюме. Рамазан командует: «В «Нахичевань», Ахмед». Машина плавно трогается.

Ресторан оказывается уютным, с восточным колоритом. Нас проводят в отдельный кабинет, подают чай, фрукты, горячее. Рамазан заказывает коньяк, я отказываюсь.

— Не пьешь? — удивляется он.

— На работе, — напоминаю. — И обезболи сильные после ранения. Смешивать нельзя.

— Ранение? — он внимательно смотрит. — Сильно?

— Нормально. Заживет.

Рама кивает, наливает себе. Мы говорим. О том, о сем. Я рассказываю, что ушел в отставку и вернулся домой насовсем. Он говорит о себе: служба, женат, детей пока нет, никак не получается. Смеется, что жена пилит, требует наследника. Слишком все гладко и складно... Крохотный червячок сомнения появляется, но я безжалостно давлю его. Это же друг мой, брат практически!

— А ты? — спрашивает он. — Семья? Дети?

— Некогда было, — пожимаю плечами. — Да и не встретил ту самую.

— Встретишь еще, — друг поднимает бокал. — За встречу, Сура. Пятнадцать лет не шутка.

Чокаемся. Я чаем, он коньяком.

Разговор течет плавно, по-дружески. Рамазан рассказывает про общих знакомых, кто где, кто как. Я слушаю вполуха. Мысли там, в госпитале со Стасей.

— Вечером давай встретимся, — предлагает Рамазан. — Посидим нормально, без спешки. Я сегодня в городе, завтра уезжаю.

— Договорились, — киваю. — Вечером так вечером.

Он довольно улыбается. Мы еще немного говорим, потом друг смотрит на часы.

— Ладно, Сура, поехали обратно. А то загрузил я тебя, у тебя работа.

— Нормально, — отвечаю. — Рад был увидеть.

Машина довозит меня до госпиталя. Прощаемся, договариваемся созвониться вечером. Я захожу в проходную, поднимаюсь на этаж. Предчувствие странное, будто что-то не так.

Нога тянет. На спине выступает холодный пот. Хромая, прохожу по отделению, цепляя любопытные взгляды со всех сторон. Скрываюсь за дверь, скидываю куртку и буквально падаю на стул.

Стискиваю зубы от боли и давя на мышцу на бедре пальцами. Перед глазами прыгают мушки, дышу глубоко и ровно. Надо сделать укол и отпустит.

Поднимаюсь и на последних волевых ковыляю к куртке. Достāju шприц, сажусь на стол и всаживаю иглу в бедро. Не успеваю выдохнуть, как дверь без стука распахивается.

— Ой, извините, — говорит Ольга растерянно. — А что это вы тут?

— Не ваше дело, — цежу сквозь зубы, выкидываю шприц в ведро и поднимаюсь на ногу.

— Что вы хотели?

— Так главврач вас ждет...

— Иду, — выдыхаю я и скольжу взглядом по столешнице. — А где карта моей пациентки?

— Какой пациентки? — медсестра невинно хлопает ресницами.

— Станиславы Валерьевны.

— Не знаю такую, — пожимает она плечами.

— Еще раз. Где карта?

Глава 12. Глеб

Так и не добившись вразумительного ответа от Ольги, выхожу в коридор. Нога после укола отпускает. Голова работает четко. Карта исчезла. Так не бывает. Значит, ее убрали.

Кабинет главного врача на пятом этаже. Поднимаюсь пешком, считая ступени. Пятнадцать лет привычки считать шаги, дистанцию, время. Здесь это бессмысленно, но организм все равно делает.

Приемная. Секретарша, молоденькая девушка с идеальным маникюром, поднимает глаза.

— Вы к кому?

— Глеб Суров, к главному врачу.

Она оживает, нажимает кнопку селектора.

— Ирма Юрьевна, к вам Суров.

— Пусть заходит, — голос из динамика сухой и четкий.

Захожу.

Кабинет просторный, светлый. Стол у окна, стеллажи с папками, картины на стенах. За столом женщина лет пятидесяти, ухоженная, с идеальной осанкой. Темный костюм, очки в тонкой оправе, короткие волосы красиво уложены.

Главврач Ирма Юрьевна Погодина. Взгляд у нее цепкий, ледяной. Таким взглядом обычно оценивают, взвешивают, решают судьбы.

— Глеб Михайлович, — она поднимается, протягивает руку. — Рада познакомиться. Ирма Юрьевна.

Пожимаю. Рука сухая, прохладная, уверенная.

— Взаимно.

— Присаживайтесь, — кивает на стул напротив.

Сажусь. Она обходит стол, опускается в кресло. Смотрит изучающе.

— Как первый день? Осваиваетесь?

— Осваиваюсь, — киваю. — Спасибо за доверие.

— Не за что, — отмахивается. — Я надеюсь, мы сработаемся. У нас хороший коллектив, сложившийся. Главное не ломать то, что хорошо работает.

Улыбаюсь понимающе. Она обозначает границы, мягко, но четко.

— Я не ломать пришел, — отвечаю спокойно. — Но, если что-то гниет, вырезать буду без сожалений.

— Вот и славно.

Пауза. Я смотрю ей в глаза без заискиваний. Она выдерживает взгляд.

— Ирма Юрьевна, — говорю спокойно. — У меня вопрос по полномочиям. Насколько я свободен в принятии решений? Кадровые вопросы, перестановки, методики работы?

Она иронично хмыкает.

— А вы прям рветесь в бой? — вскидывает бровь. — Может, для начала присмотритесь? Неделя-другая. Поймете, кто есть кто, как устроены процессы. А потом уже...

— Я не привык сидеть на месте, — перебиваю вежливо, но твердо. — И присматриваться можно в процессе. А порядок наводить лучше сразу, пока нет привязанностей.

Ирма Юрьевна вздыхает. Снимает очки, протирает стекла.

— Глеб Михайлович, — говорит устало. — Если честно, я была против вашего назначения. У нас есть свои кадры, свои люди. Кравцов, например, полгода исполнял обязанности, и неплохо справлялся.

Молчу и слушаю.

— Но генерал Игнатьев, мой хороший друг, лично просил за вас, очень рекомендовал, — продолжает она. — Сказал, что вы лучший хирург, которого он знает. Что у вас за плечами такая школа, какой наши гражданские врачи не видели. И если он вам доверяет... — она надевает очки обратно, смотрит прямо. — То у меня нет причин сомневаться.

— Спасибо за доверие, — искренне улыбаюсь. Это в какой-то мере щедрый аванс.

— Работайте, Глеб Михайлович. — Она кивает на дверь. — Если будут вопросы — знаете, где меня найти.

Поднимаюсь.

— До свидания, Ирма Юрьевна.

Выхожу.

В коридоре выдыхаю. Разговор прошел лучше, чем я предполагал. Главное — она официально дала карт-бланш. Посмотрим, что будет на деле.

Возвращаюсь в отделение. Иду сразу к посту, где Вероника раскладывает бумаги.

— Вероника, — окликаю. — Карта Станиславы Валерьевны где?

Она поднимает глаза. Удивленные, чистые.

— Я все положила к вам на стол, Глеб Михайлович. Как вы и просили.

— На стол?

— Да. Карту и снимок.

Смотрю на нее в упор. Не врет. Или врет очень хорошо.

— Спасибо, — бросаю коротко и иду к кабинету.

Захожу. Хлопаю дверью громче, чем стоило бы.

На столе, в самом центре, лежит карта. Синяя обложка, стандартный больничный бланк. На лицевой стороне: Батурина Станислава Валерьевна.

Карты здесь не было. Теперь есть. Интересно.

Сажусь в кресло. Открываю карту. Пролистываю страницы. Первый визит в терапию полгода назад. ОРВИ. Второй три месяца назад — ушиб голени. И сегодняшний. Всего три записи.

Карта новая. Тонкая. Почти пустая. Но Вероника говорила, что девушка постоянная пациентка. А в карте только три визита. И все записи одним почерком. Аккуратным, ровным, явно женским. Не врачебно-торопливым, а почти каллиграфическим.

Где остальное? Где история? Где старые записи?

Смотрю на титульный лист. ФИО, дата рождения, адрес местный, в центре. Полис не заполнен. Паспорт пустой. Телефоны есть, а идентификации нет.

Так карту не ведут.

Достаю телефон, фотографирую страницу с данными. Набираю номер, палец задерживается над кнопкой вызова. Один шаг и я услышу ее голос. Спрошу, что происходит.

Останавливаюсь. Кожей чувствую подставу. Слишком аккуратно.

Так подчищают следы. Нельзя звонить. Не сейчас. Сначала надо понять, что происходит.

Делаю фото телефона себе на память. Закрываю карту, убираю в ящик стола. Надо сосредоточиться на работе.

Весь день проходит в попытке вникнуть в то, что происходит в госпитале. Я не сижу в кабинете, а хожу по отделению. Знакомлюсь с каждым лично. Медсестры, санитарки, ординаторы, врачи. Не вызываю к себе, а сам нахожу их: в ординаторской, в коридоре, у постов, в процедурных.

Смотрю, как работают. Слушаю, о чем говорят. Оцениваю взгляды, жесты, интонации.

Кравцов держится уверенно, но нервничает. Это видно по мелочам: пальцы барабаниют по столу, глаза бегают, когда говорит со мной. Остальные — по-разному. Кто-то с интересом, кто-то с опаской, кто-то с откровенным неприятием.

Успеваю заскочить в операционную. Несложная операция — аппендицит, молодой парень, плановая. Стою в углу, наблюдаю. Оперирует молодой хирург, ассистирует Кравцов. Работают чисто, слаженно. Оборудование хорошее, современное. Это плюс.

После операции подхожу к инструментальной. Спрашиваю, что есть, чего не хватает. Пожилая женщина с усталыми глазами, рассказывает охотно. Видно, что соскучилась по вниманию.

К вечеру голова гудит. Слишком много информации, лиц, имен, должностей. Но картинка начинает складываться: отделение рабочее, люди в целом неплохие. Все работает. Но слишком слаженно для хаоса. Значит, хаос управляемый.

Собираюсь домой, телефон вибрирует. Рамазан.

— Сура, — голос довольный, чуть пьяный. — Ты как? Освободился?

— Да, собираюсь. Устал, если честно, — отвечаю. — Первый день.

— Да, брось! — он смеется. — Давай, приезжай. Я в клубе, тут музыка, девочки, все дела. Отдохнешь, развеешься. Заодно посидим, как договаривались. Машину выслал, у входа должна быть.

Смотрю в окно. Возле крыльца и правда стоит знакомый черный внедорожник с тонированными стеклами. Тот самый, на котором мы днем ездили.

— Вижу, — говорю. — Скоро буду.

— Жду.

Сбрасываю.

Достаю телефон, нахожу контакт, который не светил годами. Набираю сообщение: «Егор, мне снова нужна помощь. Пробей эту женщину. И Кравцова Ивана Олеговича заодно. По максимуму».

Прикрепляю фото из карты. Отправляю.

Ответ приходит через минуту: «Ок. Как будет результат сообщу».

Убираю телефон. Надеваю куртку, выхожу из кабинета.

В коридоре пусто. Только дежурная медсестра в ординаторской листает журнал. Киваю ей на прощание.

На улице морозно. Водитель тот самый Ахмед открывает заднюю дверь.

— Рамазан Маратович ждет, — говорит с легким акцентом.

Сажусь. Машина трогается.

Мы выезжаем с территории госпиталя, ныряем в вечерние пробки. За окном мелькают огни, вывески, лица. Город живет своей жизнью, а мне хочется в свою, но я отгоняю эти мысли. Еще и нога дает о себе знать. Не ноет, скорее простреливает. Резко, неожиданно, так что я непроизвольно шиплю сквозь зубы.

— Все нормально? — Ахмед косится в зеркало заднего вида.

— Нормально, — цежу, вспоминая, что обезбол кончился. — Аптека круглосуточная есть поблизости? Заехать надо.

— Есть, — кивает он. — Через два квартала.

Машина паркуется у круглосуточной аптеки с яркой вывеской. Прошу Ахмеда подождать, выхожу. Холодный воздух обжигает лицо, но это даже хорошо, отвлекает от боли.

В аптеке тепло, пахнет лекарствами и чем-то сладковатым. Очереди нет, только женщина у витрины с косметикой. Подхожу к фармацевту, называю препарат. Пока она ищет, обвожу взглядом зал.

И замираю.

У дальней витрины, спиной ко мне, стоит Станислава. Узнаю по фигуре, по тому, как держит голову. На ней темное пальто, волосы распущены, падают на воротник.

Стася.

Она будто слышит и оборачивается.

Наши глаза встречаются. Она сразу смотрит на выход. Просчитывает траекторию.

— Ваш заказ, — фармацевт ставит на прилавок коробочку с препаратом.

Я даже не смотрю, расплываюсь картой, не глядя. Все внимание приковано к девушке в темном пальто. Она делает шаг к выходу. Медленный, осторожный, будто надеется, что я не замечу.

— Станислава, — говорю громко.

Замирает. Спина напрягается, а плечи поднимаются. Я подхожу. Хромаю, стараясь не показывать боль, но получается плохо. Она смотрит на мою ногу, потом в глаза. Во взгляде дикая, неприкрытая паника. Девчонка, как загнанный в угол зверек.

— Не надо, — шепчет. — Пожалуйста.

— Не надо что? — спрашиваю тихо, останавливаясь в шаге от нее.

— Не подходи. Не трогай. Мне... мне пора.

Она делает рывок к двери, но я оказываюсь быстрее. Делаю шаг вперед и ставлю ладонь на стеклянную дверь. Выход закрыт. Не силой, а присутствием.

— Два слова, — говорю ровно. — Всего два слова. И ты уйдешь.

— Я ничего не скажу, — качает она головой.

— Почему ты сбежала?

Молчит. Смотрит в сторону, в пол, куда угодно, только не в глаза.

— Посмотри на меня, — прошу тихо.

Она поднимает глаза. В них настоящая, глубокая боль, которая не имеет отношения к синякам на ребрах.

— Тот синяк... — говорю. — Это не лестница. Кто тебя ударил?

Стася вздрагивает. И в этот момент я понимаю, что не ударил, а бьет регулярно.

— Никто, — шепчет испуганно и пятится.

— Не ври.

— Не твое дело.

— Моя пациентка — мое дело.

— Я не твоя пациентка, — в ее голосе проскальзывает злость. — Я никто.

— Тебе нужна помощь? — спрашиваю прямо.

Она молчит и дрожит.

— Мне ничего не нужно. Оставь меня в покое. Забудь...

Снаружи, за стеклом аптеки, мелькает свет фар. Черный внедорожник Рамазана стоит у входа, Ахмед курит, прислонившись к капоту.

— Подожди, — говорю строго и Стася замирает.

Беру у фармацевта ручку и чек, пишу номер своего телефона и возвращаюсь к девушке.

— Мой номер. Позвони, если потребуется, — отдаю чек и, не дожидаясь ответа, выхожу из аптеки.

Ахмед видит меня, тушит сигарету и открывает дверь.

— Едем? — спрашивает.

— Едем.

Сажусь в машину. Внутри холод и тишина. Рамазан. Кравцов. Стася. Изнанка этого города, в который я так хотел вернуться.

Это не совпадение. Это чья-то территория. И я уже на ней. Теперь предстоит разобраться, кто здесь друг, кто враг, а кто просто жертва, которую нужно спасти. Даже если она не хочет.

Глава 13. Глеб

Клуб встречает тяжелым басом, который вибрирует где-то в грудной клетке. Огни, полумрак, зеркала, в которых лица множатся и теряют форму. Здесь легко потеряться. И исчезнуть.

Ахмед открывает дверь, кивает охране и нас пропускают без очереди. Вибрирующий полумрак, от которого закладывает уши. Не моя тема, зачем я вообще приехал? Ахмед ведет через зал, лавируя между столиками, туда, где в отдельной кабинке за стеклом сидит Рамазан.

— Сура! — он поднимается навстречу, раскидывает руки. — Ну наконец-то!

Обнимает, хлопает по спине. От него пахнет хорошим коньяком и дорогими сигарами. Глаза блестят, но движения точные. Контроль не потерян.

— Присаживайся, — кивает на диван напротив. — Я тут уже все заказал. Ты как, голодный?

— Не особо, — пожимаю плечами, опускаясь на мягкую кожу.

— Ничего, за компанию поешь. — Он щелкает пальцами, подбегает официант. — Моему другу все самое лучшее. И коньяк наш, выдержанный.

— Мне без алкоголя, — напоминаю про таблетки.

— Да помню я, помню. — Рамазан отмахивается. — Чай, сок, минералка? Что будешь?

— Воду.

Официант исчезает. Я оглядываюсь. Кабинка просторная, с видом на танцпол. Там, под музыку, извиваются полуобнаженные тела. Девушки в блестках, парни в дорогих костюмах, искусственный дым, стробоскопы. Красивая, пустая жизнь. Чуждая и бессмысленная.

— Нравится? — Рамазан перехватывает мой взгляд. — Хорошее место. Дорогое. Только свои.

— Угу, — киваю неопределенно.

Подходит официант с подносом. Расставляет: вода для меня, коньяк для Рама, тарелки с закусками мясо, сыр, оливки, какие-то горячие блюда, от которых поднимается пар.

— Давай, — Рамазан поднимает бокал. — За встречу, Сура.

Чокаемся. Он пьет, я делаю глоток воды. Смотрит на меня с усмешкой.

— Все такой же правильный. Не пьешь, не куришь, на девок не смотришь.

— Смотрю, — возражаю. — Просто немного иначе.

— Как же? — он прищуривается. — Оцениваешь? Как противника?

— Как врач. — Пожимаю плечами. — Здоровье, осанка, потенциальные проблемы.

Рамазан смеется. Громко, запрокидывая голову. В этом смехе все тот же Рама, каким я его помню. Легкий, открытый, душа компании.

— Не меняешься, Сура. — Он качает головой. — Это хорошо. Редкость сейчас.

Через минуту появляются девушки. Две. Молодые, красивые, в коротких платьях, с идеальным макияжем и одинаковыми улыбками. Садятся рядом с нами, щебечут, предлагают выпить, танцевать.

— Это Лика, это Алина, — представляет Рамазан. — Девочки, это мой друг. Герой. Можно сказать, легенда. Прошу любить и жаловать.

Девушки смотрят с интересом. Та, что села ближе ко мне кладет руку на колено.

— Глеб, — представляюсь коротко. И аккуратно убираю ее руку. — Не надо.

Она удивленно поднимает брови, смотрит на Рамазана. Тот смеется.

— Я же говорил — правильный. — Он подмигивает девушкам. — Не обижайтесь, девочки. Это не вы, это он такой.

Они переглядываются, но улыбаются профессионально, без тени обиды. Та, что сидела рядом со мной, отодвигается чуть дальше, но не уходит.

— Все оплачено, — говорит Рамазан негромко, наклоняясь ко мне. — На весь вечер. Можешь расслабиться, никто ничего не должен.

— Я расслаблен, — отвечаю спокойно.

Он смотрит внимательно, что-то читает в моем лице, потом кивает.

— Как знаешь.

Мы говорим. Обо всем и ни о чем. Рамазан рассказывает про бизнес — у него сеть автозаправок, пара ресторанов, какие-то стройки. Говорит легко, без хвастовства, скорее делится. Спрашивает про меня, а я отвечаю уклончиво, не давит.

Девушки рядом пьют шампанское, перешептываются, иногда вставляют реплики. Я почти не слушаю. Смотрю на танцпол, но вижу другое: Стасю в аптеке. Нашу случайную встречу. А случайную ли?

— Жена у меня хорошая, звонит переживает, — говорит Рамазан, откладывая телефон в сторону.

Я перевожу взгляд на него. Он смотрит в бокал, крутит его в руках. Лицо становится мягче, теплее.

— Красивая, умная. Дома ждет. — поднимает глаза, улыбается. — Знаешь, Сура, я ведь ее люблю. По-настоящему. Как пацан втрескался и не отпускает.

— Это хорошо, — отвечаю, а сам думаю про Стасю. Еще недавно мог бы сказать, что так не бывает, а сейчас все изменилось. Сам не могу спокойно дышать пока она не рядом.

— Хорошо, — соглашается друг. — Наследника жду. Ну, не прямо жду, но работаем над этим. — Подмигивает. — Должен же род продолжиться.

Смотрю на него, потом на девушек, которые сидят рядом. Одна из них сейчас гладит Рамазана по плечу, явно планируя закончить вечер под ним. Он не отстраняется. Наоборот, кладет руку ей на бедро. Машинально, привычно. Впервые за вечер мне стало по-настоящему неуютно рядом с ним.

— А это... — киваю на девушек.

— А что это? — Рамазан усмехается. — Жена — это святое. А это так, развлечение. Тело. Надо расслабиться, ничего личного.

— Она знает?

— Зачем? — он искренне удивляется. — Зачем ей знать? Я же хороший муж. Домой прихожу, деньги приношу, люблю ее. А это просто сброс напряжения. Ничего не значит.

Смотрю на него и чувствую, как внутри поднимается холодная волна. Не осуждение, не мне судить. Неприятие. Несовместимость с тем, как я живу и как понимаю отношения.

— Не смотри так, — Рамазан замечает мой взгляд. — Ты просто не в теме. Поживешь гражданской жизнью и поймешь. Здесь другие правила.

— Какие?

— Гибкие. — Он улыбается. — Не как в армии, здесь все сложнее и проще одновременно. Выдыхай, Сура!

Девушка рядом с ним что-то шепчет на ухо. Он смеется, целует ее в щеку. Легко, небрежно. И продолжает говорить со мной о делах и планах.

— Кстати, — вспоминает он. — Послезавтра у моей жены юбилей. Двадцать пять лет. Будет много интересных личностей. Ты придешь? Не отказывайся

— Меня не приглашали.

— Так я приглашаю. — Рамазан разводит руками. — Будешь моим гостем. С женой познакомлю.

— Подумаю, — уклоняюсь я.

— Думай. — Он поднимает бокал. — Но вообще приходи. Отдохнешь, с людьми познакомишься. Там половина города будет. И не последние люди.

Киваю. Не обещаю, но и не отказываюсь. Надо взвесить все.

Через час я понимаю, что больше не могу. Этот клуб, эти девушки, этот разговор — все давит, хотя вроде бы ничего плохого не происходит. Это просто меня воротит от этого места.

— Я пойду, — говорю, поднимаясь.

— Куда? — Рамазан удивлен. — Сидели бы еще.

— Устал. Первый день. Завтра на работу.

— Ну смотри. — Он тоже встает, обнимает. — Рад был, Сура. Правда. Давай приходи.

Адрес скину.

— Договорились.

Выхожу из клуба. Холодный воздух бьет в лицо, выветривает дурь из головы. Ахмед стоит у машины, курит.

— Отвезти? — спрашивает.

— Нет, — качаю головой. — Пройдусь.

Он смотрит с сомнением, но спорить не решается. Я иду пешком, медленно, прихрамывая. Город ночной, огни, редкие прохожие, витрины с подсветкой. Мысли ворочаются тяжелые, липкие.

Что это за город, в который я вернулся? Что за люди, которых считал друзьями? И где во всем этом женщина с зелеными глазами, которая врет, прячется и носит синяки, которых быть не должно?

Останавливаюсь посреди пустынной улицы. Задираю голову к небу. Звезд не видно из-за туч, низких и тяжелых. Дезориентация. Внутренний компас сбился. Раньше все было просто. Враг — впереди. Свои — рядом. А сейчас сплошная серая зона.

Тревожное предчувствие сжимает грудную клетку. Страх нет, здесь что-то другое. Скорее ожидание. Будто за следующим поворотом обрыв. И я в него лечу, а остановиться не могу.

Глава 14. Глеб

Закуриваю. Глубоко затягиваюсь, никотин разгоняет кровь, но здравых мыслей не прибавляет. Острое желание найти якорь растет внутри. Нужно где-то заземлиться, найти точку опоры и спокойно подумать.

Достаю телефон. Нахожу номер сестры. Маринка. Младше на пять лет, но именно на ней держится вся моя искореженная «семья».

Палец висит над экраном.

Звонить? Сказать, что приеду? Она может сказать «нет». Может придумать отговорку. И будет права — пятнадцать лет тишины не смываются одним звонком.

Убираю телефон в карман. Решаю поступить иначе. Лучше в лицо, глаза в глаза и станет все понятно.

Ее дом совсем недалеко. Район, где мы выросли. Двадцать минут пешком, если нога не подведет. Да и время еще не позднее — половина десятого. Для внезапного визита брата — нормально. По крайней мере, хочется так думать.

Уверенно меняю маршрут. Иду через дворы, срезая путь. Город ночной, притихший. Редкие машины, компания подростков у круглосуточного магазина. Сворачиваю в арку и оказываюсь во дворе-полуколодце.

Здесь все изменилось и в то же время осталось прежним. Детская площадка новая, пластиковая, но качели те же, только краска облупилась, и цепи проржавели. Деревья когда-то казались огромными, под ними можно было прятаться, строить шалаши. А теперь просто деревья, даже не очень высокие.

Тогда мы были маленькими. Бегали здесь с Маринкой, она цеплялась за мою руку и просила покачать на качелях так, чтобы сердце замирало. А сейчас...

Поднимаю голову. Шестой этаж, окна горят. Значит, дома. И не спит.

Захожу в подъезд вместе с каким-то курьером и мельком осматриваюсь. Здесь тоже перемены, почтовые ящики пластиковые, стены перекрашены. Но запах тот же.

Лифт дребезжит, но везет. Шестой этаж. Останавливаюсь у знакомой двери. Она другая — металлическая, с глазком, солидная. Марина поменяла. Молодец. Лишь бы квартиру не продала. Хотя сказала бы, наверное. Имеет право, это теперь ее. Я не претендую.

Нажимаю кнопку звонка. За дверью тишина, потом шаги. Медленные, осторожные. Смотрят в глазок. Щелчок замка. Дверь открывается.

На пороге стоит молодая женщина. Светлые волосы собраны в небрежный хвост, на лице ни грамма косметики, домашняя футболка и спортивные штаны. Черты мягкие, знакомые до боли. Такие же, как у мамы. Но я оказываюсь совсем не готов увидеть сестру взрослой.

Она смотрит на меня. В глазах усталость, настороженность и что-то еще, чему я сразу не нахожу названия. Но узнаю без труда. Это Маринка. Моя маленькая сестра, которая когда-то давно провожала меня на поезд и плакала, утирая слезы кулаком.

Тогда ей было лет пятнадцать.

— Привет, — говорю.

Голос садится. Дурак. Столько лет молчал, а теперь слова подбираю, как первоклашка.

— Здравствуй, — ее голос отстраненный, холодный.

— Как ты, сестренка?

— С чего вдруг тебя это заинтересовало? — она вскидывает бровь. Тот самый жест, который я помню у мамы.

— Меня всегда интересовало, просто...

— Просто что, Глеб? — перебивает. Надменно, жестко. Так мне и надо.

— Я вернулся. Насовсем.

Пауза. Сестра смотрит на меня долго. Потом усмехается.

— Предлагаешь отпраздновать?

— Какой ты стала жестокой, — усмехаюсь в ответ. — Не ожидал.

— Учителя были хорошие.

Хмурюсь. Кто ее учил? Я отсутствовал. Родители... про родителей лучше не думать.

Муж?

— Пригласишь? — спрашиваю прямо.

— А надо?

— Тебе решать, — небрежно дергаю плечами, хотя внутри все напряглось. Неужели между нами больше ничего не осталось?

Марина молчит. Секунду, другую. Потом отступает в сторону, пропуская.

— Проходи, — голос все еще холодный, но уже не такой ледяной. — Только на жилплощадь претендовать не думай.

— Не собирался даже, — захожу в прихожую, оглядываюсь. — Мне дали служебную квартиру на Западном.

Прохожу в комнату. Здесь все по-другому — ремонт, мебель новая, на стенах фотографии в рамках. Но планировка та же, и окно все так же выходит во двор-колодец. На одном из снимков Марина с женщиной и подростком. Сын. Значит, не одна.

Сестра идет на кухню. Слышу звон посуды.

— Есть будешь? — доносится оттуда.

— Нет, я не голодный.

— Тогда чай?

— Да, пожалуй.

Прохожу на кухню. Сажусь за стол. Она ставит передо мной обычную белую кружку и садится напротив.

Пьем молча. Я рассматриваю ее. Вблизи замечаю больше: мелкие морщинки у глаз, усталый изгиб губ, пальцы, сжимающие кружку тонкие, но сильные.

— Рассказывай, — говорит она наконец.

И я рассказываю. Без подробностей, общими мазками: решил вернуться, устал от командировок, хочу работать здесь, в госпитале. Она слушает, не перебивает, только смотрит куда-то в сторону.

— А ты как? — спрашиваю, когда заканчиваю.

— Нормально, — пожимает плечами. — Работаю, муж, сын.

— Сколько лет?

— Двенадцать. Пацан уже, — в голосе впервые проскальзывает что-то теплое.

— На фотографии видел, — киваю. — На вас похож.

— На Захара больше, — она прячет улыбку в кружку.

— Захар — это...

— Муж. Скоро должен прийти.

Смотрю на нее внимательнее. Кольцо на пальце. Фотография с женщиной на стене есть.

Вроде все складно.

— Марин, — говорю прямо. — Что случилось?

Она поднимает глаза. В них что-то мелькает и тут же гаснет.

— В смысле?

— Ты встречаешь брата, которого не видела много лет, и даже не рада.

Она молчит долго. Потом пожимает плечами.

— Не надо было тебе возвращаться, Глеб.

— Почему?

Ответить не успевает. Щелкает замок входной двери. В прихожей слышатся тяжелые, уверенные шаги. Марина смотрит на дверь. Я невольно тоже оборачиваюсь. В кухню входит мужчина.

Высокий, под метр девяносто, плечистый. Короткая стрижка, волевой подбородок, на щеке свежая царапина. Одет в форменную куртку спасателя с нашивками МЧС. Останавливается в проходе, видит меня.

Пауза. Тяжелая, как бетонная плита.

— Марин, у нас гости? — голос низкий, спокойный. В нем вопрос и готовность к любому ответу.

Сестра поднимается, подходит к нему и кладет руку на плечо.

— Это мой брат, — переводит взгляд на меня. — Глеб Суров.

Мужчина смотрит внимательно. Оценивающе. Не агрессивно, но цепко.

— Тот самый? — спрашивает у нее.

Она кивает и улыбается.

Захар делает шаг ко мне, протягивает руку.

— Захар.

Поднимаюсь, пожимаю. Ладонь широкая, мозолистая, рукопожатие крепкое и уверенное.

— Глеб.

Захар смотрит в глаза. Держит взгляд ровно, не отводит. Я отвечаю тем же.

— Слышал о тебе, — добавляет он. И в голосе нет ни угрозы, ни вызова, скорее констатация факта. И что-то еще, чему я пока не нахожу определения.

— Надеюсь, только хорошее, — отвечаю спокойно.

Он усмехается. Коротко, одними уголками губ.

— По-разному.

Марина переводит взгляд с него на меня и обратно.

— Захар, — говорит тихо. — Глеб первый день в городе.

— Знаю, — отвечает тот, не сводя с меня глаз. — Уже слышал. Весь день только о тебе и говорят, Глеб. Новый заведующий хирургией в госпитале для ветеранов. Герой, все дела.

— Преувеличивают, — пожимаю плечами.

— Значит, решил проведать сестру? — он чуть склоняет голову.

Напряжение повисает в воздухе. Я чувствую его каждой клеткой.

— Решил, — отвечаю ровно. — А что, есть проблемы?

Захар смотрит на Марину. Она едва заметно качает головой.

— Проблем нет, — говорит он наконец.

Стягивает куртку и ботинки, проходит к столу, садится. Жестом предлагает мне тоже сесть.

— Рассказывай, — говорит уже другим тоном. — С чем пожаловал? Надолго? И что за интерес у майора спецподразделения в нашем захолустье?

Сажусь обратно. Марина ставит перед Захаром кружку, садится рядом с ним. Теперь они напротив меня, двое против одного. Или не против? Не пойму.

— Пожаловал домой, — отвечаю. — Насовсем. Нет у меня интереса, просто вернулся.

Захар усмехается. Уже теплее.

— Ладно, — говорит он. — Не с того начали, давай по новой. Я Захар, муж твоей сестры. Начальник поисково-спасательного отряда МЧС. С тобой знаком заочно. Марина рассказывала, что ты где-то там, в горячих точках. Гордилась, между прочим.

Перевожу взгляд на сестру. Она закатывает глаза.

— Давно хотел познакомиться, — продолжает Захар. — Рад, что ты наконец появился.

— Взаимно, — киваю.

— Только имей в виду, Глеб: у нас тут свои правила. И свои тараканы. Не жди, что тебя примут с распростертыми объятиями. Даже здесь.

— Я ничего не жду, — отвечаю строго. — Просто хочу знать, что с сестрой все в порядке.

— В порядке, — жестко говорит Захар. — Она со мной.

Смотрю на Марину. Она молчит, но в глазах благодарность. Кому? Мне? Ему?

— Я понял, — поднимаюсь. — Пойду, наверное. Поздно уже.

— Посиди, — Захар вдруг смягчается. — Давай хоть чай допьем. Не каждый день брат жены объявляется.

Усмехаюсь.

— Вы меня как будто похоронили.

— А ты думал, — Марина наконец подает голос. — Мы с мамой твоих звонков всегда ждали...

Осекается. Замолкает.

— Прости, — говорю тихо. — Служба, не получалось.

— Получалось или не получалось — теперь уже не важно, — она поднимается, подходит к окну, смотрит в темноту. — Мама так не дождалась тебя.

— Знаю, — голос садится совсем. — Хочу на могилу сходить.

Тишина. Тяжелая, липкая. Захар смотрит в стол. Марина прямо перед собой.

— Сходи, — говорит она наконец.

Марина оборачивается и смотрит на меня.

— Жизнь идет своим чередом, — говорит тихо. — Даже без тебя.

— Я рад за тебя, Марин, — говорю искренне. — Правда.

Она молчит. Захар поднимается.

— Провожу тебя, — говорит и хлопает меня по плечу. Не спрашивает, утверждает.

— Не надо, сам дойду.

— Надо.

Мы выходим в прихожую. Марина остается на кухне, слышится звон посуды.

Захар одевается, выходит со мной на лестничную клетку. Закрывает дверь.

— Ты это... — начинает он, когда мы спускаемся пешком. Лифт не вызываем. — С Маринкой аккуратнее.

— В смысле?

— Она ждала тебя. Долго. Письма писала, на которые ответов не было. Звонила... А потом мама... — он замолкает. — В общем, болезненная история.

Останавливаюсь на лестнице.

— Я не мог, — говорю. — Режим секретности, командировки...

— Да знаю я, — отмахивается Захар. — Сам такой. Но ты ей объясни это. Не сейчас, потом. Когда сможет услышать.

— Попробую.

Мы выходим из подъезда. Холодно. Звезд по-прежнему не видно.

— И еще, Глеб, — Захар смотрит на меня в упор. — Ты там поосторожнее в своем госпитале. Не хочу, чтобы Маринка снова расстраивалась. Хватит с нее.

— Откуда знаешь про госпиталь?

— Город маленький, — усмехается он. — И спасатели много чего видят. Иногда такое, что лучше бы не видели.

Он протягивает руку. Я пожимаю.

— Не знаю зачем ты явился через столько лет, но, если что — звони, — говорит Захар. — Марина номер даст. Помогу, чем смогу.

— Спасибо.

Разворачиваюсь и ухожу в темноту. Иду, не оглядываясь. Но внутри улавливается странное чувство. Впервые за долгое время почти теплое и так похожее на нужный якорь.

Глава 15. Глеб

Иду от дома сестры пешком. Нога тянет, но я почти не чувствую, слишком много мыслей. Город ночной, пустынный. Только редкие машины да желтый свет фонарей, размазанный по мокрому асфальту. Кажется, днем был дождь. Я уже не помню.

Захожу в подъезд, поднимаюсь на третий этаж. Квартира встречает тишиной. Такой плотной, что закладывает уши. В прихожей снимаю куртку, вешаю на крючок. Прохожу в комнату, включаю торшер.

Пустота. Сажусь на диван, смотрю в одну точку. Вспоминаю сегодняшний день. Госпиталь, Кравцов, главврач. И Стася. Ее лицо в аптеке. Она смотрела так, будто за спиной стоял палач. Не фигурально, а реально. Этот ужас в глазах... И синяк на ребрах. Свежий. Болезненный.

Мозг ворочается тяжело, как жернова. Кто ее так? Муж? Любовник? Отец?

Сестра, Захар и госпиталь, с которым надо быть осторожным. Что это? Какого черта здесь происходит? Пытаюсь поймать ускользающую мысль, но она рассыпается, как ртуть. Слишком много информации за один день. Слишком много лиц, имен, вопросов.

Тело наливается свинцом. Веки тяжелеют. Падаю на подушку, даже не раздевшись. И проваливаюсь в темноту.

Утро врывается серым светом за окном. Открываю глаза, будильник еще не звонил, но организм просыпается. Шесть утра. Привычка.

Сажусь, растираю лицо ладонями. Голова тяжелая, мысли вязкие, как болото. Как уснул не помню. Вырубил мгновенно. Слишком устал за этот день. Или за все дни сразу?

Тру шею, хрущу позвонками. Что там в этом гребаном госпитале сегодня? Новый день, новые пациенты, новые подковерные игры. И Стася... Станислава Валерьевна Батурина, которая должна прийти на повторный осмотр, но что-то мне подсказывает, что этого не случится.

Нога уже не ноет, а болит. Надо бы поставить укол, но я не тороплюсь. Сначала нагрузка.

Встаю, делаю разминку, потом, растяжка и отжимания разной сложности. Три подхода по пятьдесят. Грудные, спина, плечи. Тело привычно работает, мышцы горят, пот выступает на лбу. Это не просто привычка, а необходимость. Чтобы поддерживать форму и быть в тонусе.

Заканчиваю, когда пульс зашкаливает, а мышцы приятно тянет. Иду в душ. Горячая вода смывает пот, расслабляет, приводит мысли в порядок.

Выхожу, закутываюсь в полотенце. На кухне включаю чайник и делаю-таки укол. А потом шипя и кряхтя достаю чистую рубашку, брюки.

Наливаю кофе, крепкий и горький. Другой не пью в принципе. Делаю глоток — обжигает. Именно так, чтобы мозги включились.

Телефон вибрирует на столе. Егор. Очень вовремя.

— Слушаю.

— Привет, — голос у него деловой, без обычных шуток. — Скинул тебе на почту. Эта барышня значительно интереснее, чем предыдущая.

— Что там?

— Посмотри сам, — уклончиво отвечает. — Информацию добыть было не просто. Пришлось изощряться.

— Понял, — отвечаю я, а по позвоночнику ползут колючие мурашки.

— Будь осторожен там. Про второго персонажа будет позже.

— Спасибо.

— Будешь должен, — и отключается.

Смотрю на экран. Сердце почему-то ускоряет ритм. Глупо. Просто информация. Просто человек.

Отпиваю еще кофе. Обжигаюсь, но не чувствую. Открываю крышку ноутбука. Почта. Письмо от Егора. Вложение. Курсор зависает на секунду.

Кликаю. Файл открывается быстро, будто все это время ждал. Несколько документов, архив, скриншоты из баз. Егор, как всегда, поработал аккуратно. И глубоко.

Пробегаю глазами первую страницу.

Адрес. Настоящий. Не тот, что указан в карте. Телефон оформлен на какого-то мужика из другого региона. Типичная прокладка.

Ни соцсетей, ни нормальной биографии. Слишком чисто. Так не живут обычные люди.

Дальше самое интересное. Медкарта, судя по всему, реальная. Интересно, где он ее откопал?

Прокручиваю страницы и чувствую, как внутри начинает холодеть.

Сотрясение. Ушибы. Гематомы. Перелом руки в прошлом году. Другие, менее серьезные травмы. И все под одной и той же формулировкой.

«Бытовая травма». «Падение». «Пациентка отказывается от госпитализации».

И в каждой записи одна и та же подпись. Кравцов.

Я медленно откидываюсь на спинку стула и закрываю глаза на секунду.

Значит, я был прав. Это не первый раз. И не случайность. Станиславу бьют давно. Систематически. И каждый раз она приходит к одному и тому же врачу.

Очень удобно. Снаружи — аккуратная новая карта. Почти пустая, а настоящая спрятана от посторонних глаз. Егор добавил еще пару документов, но сначала нужно переварить то, что я уже увидел.

Закрываю файл и смотрю в окно. Картинка начинает складываться. Кто-то делает все, чтобы это выглядело как случайные падения. Значит, кому-то это нужно.

Только я слишком долго работал там, где случайностей не бывает. Смотрю на часы. Семь двадцать. Через час буду в госпитале, но первый разговор у меня будет не с Кравцовым.

Беру телефон, нахожу номер отделения и звоню.

— Хирургия, слушаю, — отвечает знакомый голос. Повезло, дежурит именно она.

— Вероника, это Суров.

— Доброе утро, Глеб Михайлович.

— Доброе. У меня просьба. Найдите, пожалуйста, пациентку Батурину Станиславу Валерьевну.

Пауза.

— Ту, что вчера была?

— Да.

Я делаю глоток остывшего кофе.

— Сообщите, что ее ждут на повторный осмотр. Сегодня. К Кравцову.

— Хорошо... — зависает она на мгновение. — Я попробую дозвониться.

— Не пробуйте, — говорю спокойно. — Пригласите официально. Как положено.

— Поняла.

Я отключаюсь и ставлю кружку на стол. Посмотрим, Станислава Валерьевна. Придете ли вы снова к своему доктору.

Глава 16. Глеб

Семь пятьдесят. Вхожу в отделение с папкой в руке. Коридоры еще пустые, только санитарка моет пол и медсестра спешит в процедурную. Запах хлорки, лекарств и больничного быта для меня привычный, почти родной.

Прохожу в ординаторскую. Там уже несколько человек: Кравцов с чашкой кофе, молодой ординатор листает истории, две медсестры о чем-то беседуют, но при моем появлении разговоры стихают.

— Доброе утро, — говорю громко, чтобы слышали все. — Прошу всех в ординаторскую через десять минут на летучку.

Кравцов поднимает бровь, но молчит. Выхожу в коридор, давая им время собраться, а себе еще раз пробежаться глазами по повестке. Все же руководитель из меня довольно посредственный, я больше про командовать, а не договариваться.

Ровно в восемь возвращаюсь. В ординаторской яблоку негде упасть — человек двенадцать. Врачи, медсестры, интерны. Кто-то сидит, кто-то стоит у стен. Все смотрят на меня с любопытством, настороженностью, ожиданием. Кого-то я видел вчера, кто-то мне совсем незнаком.

Прохожу к столу, садиться не собираюсь. Обвожу взглядом присутствующих.

— Доброе утро, коллеги. Меня зовут Глеб Михайлович Суков. Для тех, кто не знает или не расслышал вчера — я ваш новый заведующий отделением.

Пауза. Тишина.

— Не буду много рассказывать про себя, — продолжаю спокойно. — Скажу коротко: я военный хирург, был в горячих точках, оперировал в сложных обстоятельствах и имею большой опыт. У меня свои методы работы. Они могут вам не понравиться. Могут показаться жесткими. Но они реально работают.

Перевожу взгляд на Кравцова. Тот сидит с каменным лицом.

— Чего я жду от вас? — продолжаю. — Профессионализма. Четкости. Дисциплины. Потому что каждая наша ошибка стоит кому-то жизни. Требовать буду жестко. Спрашивать по полной. Если у кого-то есть вопросы или возражения, готов выслушать.

Тишина. Кто-то отводит глаза, кто-то смотрит с интересом. Кравцов усмехается в кружку.

— Все красиво, Глеб Михайлович, — раздается женский голос справа.

Поворачиваю голову. Женщина лет тридцати, короткая стрижка, острый взгляд, в белом халате, на котором табличка: «Кириллова Е.В., хирург». Сидит с прямой спиной, смотрит на меня без страха.

— Что именно? — спрашиваю спокойно.

— Все. — Она слегка склоняет голову. — Вы красиво говорите про дисциплину, про методы. Но у нас не поле боя, а обычные люди. Им нужен не жесткий командир, а врач, который их слышит. Ваши методы здесь не всегда применимы. С людьми надо разговаривать по-людски.

Несколько человек переглядываются. Кравцов довольно улыбается.

— Как вас зовут? — уточняю.

— Елена Владимировна.

— Сколько лет в хирургии?

— Восемь.

Киваю. Смотрю ей в глаза. Выдерживает.

— Елена Владимировна, я не собираюсь ломать то, что работает, — говорю ровно. — Но я видел слишком много смертей, которые случились из-за разгильдяйства и бардака. Здесь не поле боя, вы правы. Но пациенты умирают так же окончательно. Я предлагаю найти баланс.

Вы покажете мне, как нужно «слышат» пациентов. Я покажу вам, как работает военная дисциплина. Посмотрим, что получится.

Она молчит. Секунду, другую. Потом кивает.

— Разумно.

— Вот и договорились.

Хочу добавить еще что-то, но дверь распахивается. Влетает медсестра — запыхавшаяся, с красными пятнами на щеках.

— Коллеги! Срочно в операционную! ДТП на трассе, двое пострадавших. Одного еле довезли... Мужчина, лет сорок, открытая травма живота, давление не держит...

Мгновенно прихожу в тонус.

— Кто дежурит?

— Я, — поднимается Кириллова.

— Отлично. Прошу, Елена Владимировна, — указываю на дверь.

Выхожу из ординаторской следом, на ходу закатывая рукава. Кириллова идет рядом, шагает быстро, не отстает.

— Что думаете? — спрашиваю на ходу.

— Если давление не держит, может быть разрыв селезенки или печени. И внутреннее кровотечение.

— Согласен. Закажите кровь, — отдаю приказ медсестре.

Она кивает, сворачивает к лаборатории, а мы летим в операционный блок.

Переодеваюсь, моюсь, влетаю в оперблок. На столе уже мужчина — бледный, синюшный, дыхание поверхностное. Анестезиолог возится с трубкой, медсестры разрезают одежду.

— Давление? — подхожу к столу.

— Шестьдесят на сорок, падает, — голос анестезиолога напряженный. — Пульс нитевидный. Еле держу его.

— Держи, не отпускай, — встречаемся с анестезиологом глазами и, кажется, без слов понимаем друг друга.

— Не в мою смену, — хмыкает он и кричит через плечо. — Где кровь, мать вашу?

И вокруг начинается хаос, а я внимательно осматриваю рану. Живот вздут, кожа синюшная.

— Травма живота, проникающая. Скорее всего селезенка и еще что-то. Разрез по срединной, быстро. Скальпель.

Рука привычно ложится на рукоятку. Вхожу в брюшную полость и оттуда буквально выплескивается темная кровь.

— Мать твою... — выдыхает Кириллова. — Здесь литра полтора уже.

— Отсос! — команду. — Быстро.

Медсестра подает отсос, но кровь идет быстрее, чем успевают убирать. Я работаю практически вслепую, рукой ухожу в брюшную полость, пытаюсь найти источник.

— Селезенка в клочья, — докладываю. — Но это не все. Печень кровит. Вижу разрыв правой доли.

— Нужен аппарат для электрокоагуляции, — говорит Елена Владимировна. — И аргонный коагулятор. Но у нас в этой операционной... — она оглядывается растерянно. — Здесь только базовый набор. Все сложное в соседнем блоке, но не довезем.

Смотрю на нее. В глазах паника, нет аппарата — нечем останавливать кровь.

— Зажим, — говорю спокойно.

— Что?

— Подайте зажим, Елена Владимировна. Длинный, изогнутый.

Она протягивает. Я зажимаю сосуд селезенки. Кровь из этого источника прекращается. Но печень продолжает кровоточить.

— Печень не остановить без коагулятора, — голос коллеги дрожит.

— У него четвертая отрицательная, у нас такой крови всего два пакета... — сообщает операционная медсестра.

— Один уже вливаем, — подает голос анестезиолог.

— Марлевый тампон, — командую также ровно. — Большой. И пальцем прижмите вот здесь, — беру руку Елены и ставлю на печень, пережимая сосуд. — Держите. Не отпускайте.

Она замирает, прижимает. Я быстро зашиваю селезеночное ложе, перевязываю сосуды.

Потом освобождаю руку.

— Отпускайте. Медленно.

Елена убирает пальцы. Кровь из печени идет, но уже не хлещет.

— Нужно ушивать, — говорит она. — Но без коагуляции...

— Салфетку, — перебиваю. — С прядью сальника.

— Что? — она смотрит непонимающе.

— Сальник. Большой сальник. Быстро.

Кириллова замирает на секунду, потом понимает. Подхватывает сальник, подает мне. Я выкраиваю лоскут на питающей ножке, прижимаю к ране печени и фиксирую узловыми швами. Тампонада сальником — старый военный метод, когда нет современной аппаратуры.

— Как вы... — шепчет Елена Владимировна.

— Давление? — перебиваю.

— Поднимается, — отвечает анестезиолог. — Восемьдесят на пятьдесят.

— Продолжаем. Делаем ревизию.

Проверяем все. Кишечник цел, поджелудочная без повреждений. Промываем полость, ставим дренажи, ушиваем.

Когда заканчиваем, чувствую, как по спине течет пот. Выпрямляюсь, смотрю на мониторы — давление сто на шестьдесят, пульс ровный. Жить будет.

— Елена Владимировна, спасибо.

Выхожу из операционной. Стягиваю перчатки, маску. Прислоняюсь к стене, закрываю глаза на секунду. Всегда так после сложных случаев — выплеск адреналина и пустота.

Кириллова выходит следом. Смотрит на меня с уважением, кажется.

— Вы действительно волшебник, Глеб Михайлович, — говорит тихо. — Я думала не спасем. А вы... эта тампонада сальником... я, признаюсь честно, растерялась.

— В полевых условиях другого не дано, — отвечаю. — Там не бывает аргоновых коагуляторов. Только руки и голова.

— Спасибо. У вас действительно есть чему поучиться.

Смотрю на нее. Момент подходящий.

— Елена Владимировна, раз уж мы нашли общий язык, могу я в качестве компенсации за ваши сомнения задать пару вопросов?

Она усмехается.

— Если бы вы не были офицером, я бы подумала, что это флирт.

— Не флирт, — отвечаю честно.

Смотрит внимательно, потом кивает.

— Спасибо за честность. Спрашивайте.

— Что вы можете сказать про Кравцова?

Кириллова прищуривается.

— Не поняла.

— Какой он человек?

Она молчит. Взгляд становится осторожным.

— Глеб Михайлович, я не...

Договаривать не дает движение в конце коридора. Лифт открывается и выходит Станислава. В том же пальто, что вчера в аптеке. Волосы распущены, падают на плечи. Бледная, под глазами тени и меня пока не видит. Все внутри замирает, как перед прыжком в бездну.

— Извините, — бросаю Елене Владимировне. — Позже договорим.

Иду прямо по коридору, не чувствуя ничего, кроме странного облегчения от того, что вижу ее.

— Станислава Валерьевна, — окрикиваю я.

Она вздрагивает, поворачивается. Наши глаза встречаются. И мир снова сужается до нее одной.

Глава 17. Глеб

— Подождите.

В глазах Станиславы ни тени испуга, только ледяная досада.

— Что вам нужно? — окатывает меня ледяным, ровным голосом.

Дышу тяжело, то ли адреналин после операции еще не отпустил, то ли просто рядом с ней всегда не хватает воздуха.

— Ты пришла.

— Вызвали на осмотр, — бросает небрежно.

— Ко мне, — усмехаюсь. — Это я тебя вызвал.

— Ты? — Стася вскидывает бровь. — Зачем?

— Я теперь твой лечащий врач.

— Мой врач — Кравцов.

— Теперь нет, — тихо, но решительно. — Заведующий решил по-другому.

— Удобно устроился, Глеб Михайлович. Власть, полномочия... Я думала, что сбежала от тебя в поезде, а ты, оказывается, просто пересел на другой и догнал.

— Я не пересаживался, — говорю тихо. — Я здесь родился. И жил. До того, как уехал на пятнадцать лет. Это мой город, Стася.

— Не называй меня так. — Голос режет, как скальпелем. — У нас не настолько близкие отношения, чтобы позволять себе фамильярности.

Она поправляет воротник пальто, собирается уйти. Я делаю шаг, перекрывая дорогу. Отпущу сейчас и больше не увижу.

— Я хочу убедиться, что с тобой все в порядке.

— С чего вдруг? — Стася прищуривается.

— Это моя работа, — отвечаю ровно. — Ты пациентка, и я не могу пройти мимо.

— Нет, я пришла к врачу, которому доверяю. В отличие от некоторых.

— Кравцов занят, — и еще одна наглая ложь во спасение.

— Тогда я приду в другой раз. Пропусти, — говорит тихо, но с металлом в голосе и пытается обойти.

Я не двигаюсь.

— Ты вообще понимаешь слово «нет»? Или за пятнадцать лет в армии отвык от человеческой речи?

Смотрю на нее. Другая. Совсем не та, что вчера. Там была женщина, сейчас ледяная статуя с колючим взглядом. Броня толстая, многолетняя, а я помню, как она таяла той ночью в моих руках. Я слишком отчетливо помню.

— Я понимаю, — отвечаю спокойно. — Но отпустить тебя не могу. Пойдем, — киваю в сторону кабинетов.

Конечно, я лукавлю. С ее ребром за сутки ничего не изменилось.

Мне нужно время. И правда.

— Я в порядке.

— Я должен убедиться.

— С какой стати? — Стася прищуривается. — Тебе какое дело, Глеб? Перепихнулись в поезде, разбежались. Так бывает. Забудь. На что тебе лишние проблемы?

— Ты не проблема.

— Ошибаешься, — горько усмехается. — Я — проблема. И если лезть дальше — будет только хуже.

Значит, я лезу правильно.

— Не могу.

— Можешь. Просто повернись и уйди. Я того не стою, чужая жизнь не твоя забота. Вы, военные, это умеете.

— Ты мне не чужая, — а фразу про военных умышленно игнорирую, но не пропускаю мимо ушей.

Пауза. Станислава смотрит долго. Очень долго. Потом усмехается.

— Сладко поешь. Только я на эту удочку уже ловилась. А потом крючок в губе и на берег. Больше не хочу.

— Тебе нечего бояться. Всего лишь осмотр и я тебя отпущу.

Она поднимает взгляд. В нем боль, злость, отчаяние. И то самое, что было в купе поезда, когда она прошептала «ты пожалеешь».

— Ты не имеешь права меня заставлять, — голос дрожит.

— Имею. Как врач. Пока. Остальное потом. Решим отдельно.

Молчит долго и кусает губы. Потом кивает. Едва заметно.

Идем по коридору. Я чуть впереди, она за мной. Слышу ее шаги — неуверенные, медленные. Останавливаюсь, пропускаю вперед, открываю дверь смотровой.

Заходим. В смотровой светло. Стол, кушетка, ширма, инструменты. Все как вчера. Только сейчас мы одни. Щелкаю замком, чтобы никто не беспокоил.

— Открой, — требует Стася нервно.

Подчиняюсь.

— Раздевайся, — иду к раковине, мыть руки.

Она стоит у двери, не двигается.

— Стася.

— Я сказала — не называй меня так.

Злится и начинает расстегивать пальто. Медленно, пуговица за пуговицей. Сбрасывает на стул. Потом стягивает свитер. Остается в майке.

Я подхожу. Останавливаюсь рядом.

— Покажи.

Она поднимает майку. На ребрах — синяк. Как я и думал, ничего не изменилось. На нежной коже все те же фиолетовые разводы.

— Больно?

— Терпимо.

Провожу пальцем по коже осторожно. Стася слегка вздрагивает, но не отстраняется.

— Дыши глубже, — прошу. — Я проверю, нет ли отека.

Пальцы скользят по ребрам. Считаю про себя: четвертое, пятое, трещина небольшая, должна зажить сама.

— Хватит.

Она опускает майку и отворачивается. Я не ухожу. Стою рядом, чувствуя ее запах, тепло, страх.

— Стася. Посмотри на меня.

Поднимает глаза. В них злость. Много злости.

— Кто это сделал? — спрашиваю тихо. — Кто тебя бьет?

Не отвечает и начинает лихорадочно натягивать свитер.

— Не говори глупости, никто меня не бьет. Сама упала...

— Я же не идиот, — сжимаю зубы. — Расскажи мне все.

— Хватит, это не твое дело.

— Мое, — беру за плечи, останавливаю. — Ты моя пациентка. И не только.

— Что значит — не только? — вырывается, но в голосе уже не злость, а отчаяние.

— Не надо делать вид, что той ночи не было.

— Не было, — глухо огрызается. — Я ничего не помню. Я была пьяна.

— Врешь. Ты не была пьяна, — тихо, касаясь щеки. — Просто хотела забыться. Я не дал. Теперь мы связаны. — Поднимаю лицо, чтобы встретиться взглядом. — Доверься мне, я разберусь.

В ней нет ни мягкости, ни слабости. Дикая кошка вновь выпускает когти.

— Слушай сюда. — смотрит в упор. — Мне не нужна твоя жалость, твоя защита, твое участие тоже. У меня все хорошо. Сама справляюсь. И если ты не перестанешь лезть — хуже будет.

— Кому?

Молчит. Только смотрит.

— В первую очередь тебе, — выдыхает обреченно. — Ты здесь чужой. Ты не знаешь, во что ввязываешься. Оставь меня, Глеб. Пока не поздно.

Уже поздно...

Дверь распахивается без стука. На пороге стоит взъерошенный Кравцов.

— Глеб Михайлович! — его голос вибрирует. — Что вы себе позволяете?

— Вон, — говорю тихо.

— Что? — его глаза округляются.

— Вон отсюда. Я занят.

— Но я...

— Я сказал — вон!

Он смотрит на меня, на Стасю, которая стала бледная как мел. Потом усмехается.

— Понятно. — Разворачивается и выходит.

Дверь хлопает и повисает тишина.

Стася смотрит на меня. В глазах паника. Потом хватает пальто и вылетает в коридор. Я за ней, но в коридоре пусто. Только в конце коридора медленно закрывается дверь. Снова сбежала. Стою, сжимая кулаки. Внутри все кипит. Какого хрена все это?

Кравцов. Он все знает, такое невозможно скрыть. Медленно иду в ординаторскую. Открываю дверь. Иван Олегович сидит за столом, пьет кофе, как ни в чем не бывало. При моем появлении поднимает голову и ухмыляется. И так хочется кулаком стереть эту ухмылку, но я сдерживаю своих демонов. Еще не время.

— Какие люди? — тянет он надменно.

Подхожу медленно и останавливаюсь напротив.

— Еще раз, — говорю тихо, — ты войдешь без стука в кабинет, где я работаю с пациентом — вылетишь из отделения. В тот же день. Понял?

— Уже угрожаете? — Кравцов встает, пытается смотреть сверху вниз, но я выше. — Ты здесь никто, Суров. Ты не знаешь, в какие игры играешь. И с кем.

— Просвети.

Он усмехается, качает головой.

— Рано. Скоро сам все узнаешь. А девчонку эту... — делает многозначительную паузу. — Оставь. Не твоего поля ягода.

Смотрю на него. Вспоминаю карту, которую прислал Егор. Десятки записей. И под каждой подпись Кравцова.

— Ты видел ее синяки. Все эти травмы. И молчал.

Бывший заведующий лишь усмехается.

— Я врач. Я лечу. А остальное не мое дело.

— Не твое дело? — подхожу ближе. — Ты видел девушку с синяками и травмами раз за разом и молчал?

— А что я должен был делать? — пожимает плечами. — Полицию вызывать? Она сама отказывается. Говорит — сама упала. Я не имею права.

— Имеешь. Как врач.

— Я врач, а не спасатель. — Смотрит нагло, в упор. — И тебе советую: не лезь, Суров. Себе дороже.

— Кому дороже?

Молчит. Но в глазах мелькает что-то знакомое. Страх? Предупреждение?

— Подумай своей военной головой, — говорит тихо. — Если она молчит, значит, есть причина. Если никто не лезет, значит, не хотят связываться. А ты приехал, герой, и уже раздаешь обещания. Только кому ты поможешь? Чужая она, принадлежит другому. Не по зубам он тебе.

— Это мы еще посмотрим, — цежу я зло. — Назови имя. Сейчас.

Я уже знаю, что оно мне не понравится.

Кравцов смеется. Гадко и язвительно, а потом смотрит устало.

— А ты у друга своего спроси. У Хакимова, он все про всех знает, — звучит, как издевка, но что-то в этом есть.

Иван Олегович разворачивается и уходит, а я остаюсь в ординаторской один. В голове каша. В груди — арктический холод.

Стася права. Я не знаю, во что ввязался. Не знаю, кто за этим стоит. Но знаю одно: я не отступлюсь. Если решил разобраться, дойду до конца и помогу ей во что бы то ни стало. Даже если она гонит и не верит, что можно по-другому.

Потому что ту ночь в поезде не отменить. И эти зеленые глаза, полные слез и надежды, которые она так старательно прячет, тоже.

Достаю телефон и набираю номер друга.

— Да, Сура, — раздается в динамике бодрый голос Рамазана. Но в его «добром» тоне скользит что-то ледяное.

— Твое приглашение еще в силе?

— Конечно, — отвечает он легко, почти шутливо. — Приходи. Адрес скину в сообщении.

Я смотрю в окно на серое небо. Что-то внутри сжимается. Его спокойствие слишком резонирует во мне.

— Приду, — отвечаю коротко.

— Отлично, — Рамазан довольно хмыкает. — Там будет кое-кто из интересных людей.

Познакомлю.

И снова этот ледяной оттенок в голосе, но с улыбкой.

— Договорились.

Сбрасываю звонок. Убираю телефон. Завтра у меня будут ответы.

Глава 18. Глеб

Утро встречает серым небом и тяжелой головой. Вчерашнее не отпускает. Мысли въелись под кожу. Кто он? Тот, кого она боится. Тот, кто сломал в ней что-то важное, навсегда отучив верить и просить помощи.

Я найду его. Обязательно. Я уже вышел на след, просто не форсирую. Нужно время и холодная голова. Сажусь на кровати, тру лицо ладонями. Сегодня день рождения жены Рамазана. Очередной этап в получении информации. Всего лишь.

Подхожу к шкафу, открываю дверцу. Военная форма: парадная, полевая, повседневная. Несколько футболок, рубашек, джинсы, спортивный костюм. Для такого вечера ничего не годится.

— Твою ж дивизию, — выдыхаю обреченно. Мне явно самому не справиться.

Достаю телефон и набираю номер сестры.

— Доброе утро, Глеб, — иронично отзывается Марина.

— Привет, — невольно улыбаюсь, прежде чем сказать роковую фразу. — Займись со мной шопингом?

Пауза. Потом в динамике сдавленный смешок:

— Ты серьезно? Глеб Суков просит помочь с выбором одежды?

— Жизнь заставила, — усмехаюсь. — Приеду, куда скажешь.

— Хорошо. Встречаемся около часа в центре, у «Пассажа».

— Спасибо.

Приезжаю на такси. Сестра уже ждет у входа. Джинсы, легкое пальто, волосы распущены. Выглядит уставшей, под глазами тени, в уголках губ залегли складки, которых раньше не было. Но приветливо улыбается. Может мне просто кажется?

— Ну, рассказывай, что за мероприятие, — берет меня под руку, тащит в магазин.

— Юбилей у жены друга. Рамазана.

— Это Хакимова? — уточняет осторожно.

— Да.

Марина кивает. В глазах мелькает тревога или мне только кажется? Решаю не уточнять, расскажет, если посчитает нужным.

В магазине сестра оживает. Глаза загораются, движения становятся энергичнее. Она таскает меня от стеллажа к стеллажу, вытаскивает пиджаки, рубашки, галстуки.

— Вот этот цвет тебе идет. Примерь. И этот. И вот этот, с запонками...

— Марин, — останавливаю это торнадо. — Я не собираюсь становиться фотомodelью. Нужно просто нормально выглядеть.

— Ты вообще ничего не собираешься, — вздыхает она. — Как с тобой тяжело.

Перебираем варианты. Я упрямо отметаю все, что кажется слишком вычурным, слишком ярким, слишком «сладким». Она закатывает глаза, но терпит.

В итоге сходимся на простом и беспроегрышном: белая классическая рубашка, черные брюки. Никаких пиджаков, галстуков и прочего. Марина критически осматривает результат.

— Ремень надень. — Она уже копается в витрине, протягивает нужным — тонкая кожа, сдержанная пряжка. — И часы у тебя какие-то... дурацкие.

— Они военные.

— Сними. Вот эти надень.

Протягивает мне другие, на кожаном ремешке, с минималистичным циферблатом. Примеряю. Смотрю в зеркало. Чужой какой-то. Не я вовсе.

— Еще жетон убери, — командует она.

— Жетон останется, — отвечаю жестче, чем хотел. Это святое.

Марина смотрит долго, потом качает головой.

— Какой ты стал, а.

— Какой?

— Мужественный, — улыбается мягко, почти по-матерински. В глазах светится тепло, которого я не видел позавчера. — Все девушки в этом городе от двадцати до пятидесяти будут за тобой бегать и в штабеля сами укладываться.

— Спасибо, обойдусь.

— Ну правда, Глеб. — Она кладет руку мне на плечо. — Может, о семье подумаешь? Любая будет рада.

Смотрю на нее, а перед глазами Стася. Ее глаза, губы. Ее тело, дрожащее в моих руках от страсти. Без шансов. Я безнадежно влип.

— Мне не любая нужна, — отвечаю так, чтобы вопросов больше не было.

Сестра все понимает. Кивает и отводит взгляд.

Идем в кафе через дорогу. Маленькое, уютное, с венскими стульями и клетчатými скатертями. Заказываем кофе. Марина молчит, смотрит в окно.

— Ты как вообще? — спрашиваю. — С Захаром все хорошо?

Она усмехается, крутит чашку в руках. Долго, сосредоточенно, будто в этом вращении ищет ответ.

— А что такое хорошо?

— Ну... счастлива?

— Знаешь, — начинает медленно, — когда я была молодая, влюбленная, он казался мне идеальным. Красавец, спасатель, герой. Все девчонки завидовали, а он только на меня смотрел. Тогда я была счастлива.

— А сейчас?

— Сейчас розовые очки разбились о быт. — Она улыбается, но в глазах усталость, глубокая, вьевшаяся. — МЧС — это совсем не романтика, Глеб. Это трясина. Мужа у меня нет. Он всегда на службе. Или спит после смены. Или думает о работе. Или уезжает на учения. Или его вызывают среди ночи. А я остаюсь одна.

— Марин, ну профессия такая.

— Я все понимаю. — Она зарывается пальцами в волосы, откидывает их назад. — Но устала. Быть сильной, быть терпеливой, быть понимающей. Ждать, верить, надеяться. Иногда хочется, чтобы кто-то подождал меня. Выбрал меня, а Валентину Петровну из соседнего дома с ее чертовым котом, который застрял в водостоке.

Явно наболело у нее. Хочется сказать что-то правильное, поддержать, но что тут скажешь? Сам такой же. Сам выбрал службу вместо семьи. Сам оставил ее одну пятнадцать лет назад. Сам не писал, не звонил, не приезжал.

Молчу. И она понимает это молчание.

— Ладно, — встряхивается, смотрит на часы. — Не будем об этом. Ты на кладбище был?

— Утром ходил. В часовне заказал что-то. Старушка посоветовала.

— Ну хорошо. — сестра допивает кофе, поднимается. — Обеденный перерыв заканчивается. Мне пора.

— Увидимся.

— Да.

Марина уходит. Я остаюсь один. Смотрю на чашку, на людей за соседними столиками — парочка шепчется, женщина с телефоном. Обычная жизнь у кого-то. Все просто и понятно. Мне-то почему не везет?

Достаю телефон и ищу номер Стаси в списке контактов. Цифры едва не жгут палец через экран.

Нажать? Сказать что? «Привет, как дела?» Тупо как-то...

Она же пошлет. Или испугается. Или опять начнет гнать. Скажет, что я чужой, что лезу не в свое дело и все в таком духе. Не верит мне пока. Ничего, разберемся. Но звонить нельзя, рискованно. Стася и так боится всего.

Ладно, может Рамазан что-то посоветует. Допиваю кофе. Вызываю такси.

Дома сразу в душ. Горячая вода обжигает кожу, смывает усталость, но мысли не трогает. Они крутятся по кругу: Стася, Рамазан, Кравцов, снова Стася. Запутанная многоходовка и словно не хватает какого-то элемента. Все о нем знают, только я никак не догоню. Это раздражает, потому что мешает увидеть полную карту боевых действий и придумать правильную стратегию.

Собираюсь тщательно, без обычной армейской спешки. Щетину решаю не трогать, придает брутальности. Смотрю в зеркало, глаза цепкие, спокойные. Никто и не скажет, что внутри землетрясение.

Одеваюсь. Белая рубашка хрустит, как накрахмаленная, непривычно. Черные брюки сидят хорошо и удобно. Ремень, часы. Жетоны на груди, под рубашкой. Кожаная куртка сверху и ботинки.

Такси везет за город. Чем дальше, тем дома становятся больше, решетки толще, заборы выше. Элитный поселок. КПП, охрана, камеры. Чувствую себя на вражеской территории. Слишком много погон. И слишком много денег.

Машина останавливается у ворот особняка. Выхожу и замираю.

Дом — мама дорогая. Три этажа, колонны, фонтан с подсветкой. На площадке перед ним десятки машин. Мерседесы, лексусы, пара Гелендвагенов, даже один Мазерати. Серьезные люди. Очень серьезные.

Да уж, Рама, ты явно стал не простым смертным.

Иду к воротам, букет белых роз убираю под мышку, чтобы не мешался. Охрана, два бугая в черных костюмах, с ушами-рациями, с квадратными челюстями, преграждают путь.

— Приглашение?

— Суков Глеб.

Один сверяется со списком. Второй смотрит на меня сканирующим взглядом: оценивает, взвешивает, классифицирует.

— Вас нет в списке.

— Какая-то ошибка. Рамазан меня приглашал лично.

— Пропустить не можем. Распоряжения не было.

Отходят, переглядываются. Перешептываются. Возвращаются.

— Не положено.

Все понятно. Формально вежливые, но задача не пускать. Рамазан не из тех, кто забывает. Значит, либо проверка. Либо кто-то решил сыграть в свои игры. Сейчас узнаем. Отхожу, достаю телефон, звоню. Рамазан не берет. Раз, два, три. Тишина. Наверняка занят, встречает гостей, не до телефона.

Стою у ворот, смотрю на особняк. Уехать — значит показать слабость, а я не привык уходить. Осматриваюсь и продумываю план.

Охрана — двое на входе, еще двое патрулируют территорию. Камеры по периметру, но есть слепые зоны — за углом, у гаража. Забор — кованые прутья, высокий, но перемахнуть можно. Нога, правда, ноет. И лезть через забор сейчас — так себе идея.

Еще букет для именинницы. Смешно буду смотреться, карабкаюсь через забор с цветами. А если наверх, так вообще будет представление. Отгоняю дурацкие мысли.

Придется в лоб. Через пару минут их найдут. Но к тому времени я уже буду внутри.

Возвращаюсь к охране. Спокойно, без агрессии. Улыбаюсь даже. Подхожу к тому, что постарше.

— Слышь, братан, — достаю удостоверение. — Подержи-ка минутку.

Он машинально тянется, смотрит в ксиву. Красная корочка, герб, звание. Все, как положено. На секунду теряет концентрацию, сработал рефлекс на власть.

Этой секунды хватает. Второй получает четкий удар в шею — аккуратно, без шума, отработанным движением. Просто отключается на пару минут. Оседают у забора.

Первый не успевает среагировать, как я уже за спиной, болевой на руку, легкое давление на нервный узел. Он хрипит, пытается вырваться, но бесполезно.

— Извини, брат, — шепчу ему в ухо. — По-другому никак.

Давлю чуть сильнее. Он тоже обмякает.

Забираю удостоверение. Подхватываю букет, который оставил у забора. Прохожу на территорию.

Иду спокойно, как гость. Впрочем, почему как? Руки в карманах, цветы под подмышкой, взгляд расслабленный. Никто не обращает внимания — слишком много людей, музыка громкая, все заняты собой.

На лужайке перед домом толпа. Женщины в длинных платьях, с идеальным макияжем, с бриллиантами в ушах. Мужчины в парадной форме: военные, полиция, бизнесмены, депутаты. Мелькают погоны, ордена, медали. Ослепнуть можно. Наверное, стоило тоже форму нацепить, да как-то стремно по такому случаю...

Я в своей обычной рубашке и черных брюках чувствую себя белой вороной. Слишком просто, слишком не для этого уровня. Но плевать.

Женщины провожают взглядами. Откровенно, оценивающе. Кто-то улыбается, кто-то шепчется, кто-то задерживает взгляд дольше положенного. Чувствую себя проституткой на панели.

— Офицер? — слышу за спиной.

— Майор, — отвечаю, не оборачиваясь.

— А форма где?

— В шкафу.

Раздается мелодичный смех, а я иду дальше.

Прохожу ближе к дому. Останавливаюсь у фонтана, оглядываюсь. Пытаюсь найти Рамазана в толпе. Вместо него нахожу кучу незнакомых лиц, дорогих улыбок, пустых глаз.

— Сура? — знакомый голос сзади.

Оборачиваюсь. Рамазан. В парадной форме. Улыбается широко, радостно.

— Приехал! Рад тебя видеть. — Он хлопает меня по плечу. — Проходи, чувствуй себя как дома. Выпей, закуси, познакомься с людьми.

— Меня в списках не оказалось, — говорю с улыбкой. — Пришлось немного похулиганить.

Рамазан смотрит внимательно. Секунду, другую. Потом усмехается по-свойски.

— Надеюсь, без трупов обошлось?

— Обижаешь, — хмыкаю я и поднимаю букет. — Где именинница-то? Надо поздравить.

— А вон же она. — Рамазан поворачивается, машет кому-то в толпе. — Дорогая, подойди! Я тебя кое с кем познакомлю. Хотя вы уже и так знакомы...

Я оборачиваюсь. Улыбка медленно сползает с лица, а земля начинает дрожать под ногами. Черт... Только не она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.